

В ТЕНИ ДОЖДЯ

НИКОЛАЙ ЕПИФАНОВ

The book cover features a dark, atmospheric illustration. In the foreground, two tall, slender, reddish-brown stalks, possibly reeds or grasses, stand vertically. The background is a dark, textured blue-green, filled with numerous white, diagonal streaks representing falling rain. The overall style is graphic and moody, with a halftone dot pattern visible in the background.

18+

Николай Игоревич Елифанов

В тени дождя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58488406

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-99837-7

Аннотация

Город N, что позволил найти приют многим душам со всего земного шара, погрузился в осенние сумерки. В его узких каменных коридорах прячутся те, кто пытается сбежать от самого себя, те, кто хочет начать жизнь с чистого листа или даже те, кто стремится отыскать покой среди хаоса жизни. Доктор Саймон Брис, только-только приехавший в город после принятого предложения о работе, становится невольным участником жестоких событий. Каждый шаг приближает его к ответу, но он вынужден платить за это немалую цену, погружаясь во тьму, где с людей сорваны их привычные маски.

Содержание

От автора	5
Часть 1	7
Там, где начинается история	7
Первый снег	14
Новая жизнь	27
Вскрытие неизвестности	41
Встреча перед рассветом	60
Прерванный сон	64
Непрерывный круговорот времени, или Не забывая, забывай	73
Прощай	90
Переплетение судеб	94
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Николай Епифанов

В тени дождя

Посвящается переменам в жизни, которые не позволили
нам остаться прежними

От автора

Чтобы рассказать эту историю от начала и до самого конца, мне пришлось пожертвовать частью собственной души. Она выплеснулась на листы бумаги багровыми пятнами, но затем обрела очертания знакомых всем букв. Слова складывались в предложения. Предложения становились главами, а вместе они превратились в полноценную историю, случившуюся много лет тому назад в далеком городе, затерянном где-то на карте Европы. Для простоты и удобства мы назовем город N и больше никогда не будем возвращаться к этому вопросу.

А теперь скажи мне, дорогой читатель, что ты сейчас видишь? И я говорю совсем не о том, что окружает тебя. Я говорю о том, как ты воспринимаешь происходящие вокруг тебя события. Пожалуй, я отвечу за тебя. Ты видишь то, что тебе хочется видеть.

Не осознавая подлинного положения вещей, каждый человек на этом свете так или иначе хоть раз вводил себя в заблуждение. Ему казалось, будто реальность представляет собой именно то, что видят его глаза, слышат уши. Он верил своему сердцу и доверял разуму.

Но рано или поздно любым иллюзиям приходит конец. И как бы нам ни хотелось сохранить мир, созданный воображением, он постепенно рушится, оставляя нас наедине с реаль-

ной жизнью. Нельзя сказать наверняка, когда это произойдет. Может быть, завтра или через много лет, а возможно, этот миг уже настал.

Это история о том, что скрывается за пеленой нашего восприятия.

Часть 1

Там, где начинается история

Холодное лето тысяча девятьсот тридцать девятого года. Я помню его, словно оно было только вчера. Стоит закрыть глаза, и я почувствую то, что чувствовал тогда, увижу перед собой давно забытые образы прошлого. Такое ощущение, будто то лето – это не время, ушедшее давным-давно, а место, куда можно вернуться в любой момент, если по-настоящему захотеть. Мы еще не знали, что менее чем через три месяца в мире разразится война, которой суждено унести десятки миллионов жизней и оставить после себя бесконечные руины. Годы войны я провел вдалеке от родимых мест, то и дело вспоминая события накануне безжалостной эпохи.

Тогда я был всего лишь мальчишкой десяти лет от роду. Лето я проводил в загородном доме своей тети Ребекки. Это был большой двухэтажный дом с десятью, а может, и двенадцатью комнатами. Тут память меня немного подводит.

В то время мой дядя Джейкоб Купер уехал во Францию, чтобы помочь своему брату наладить дело по производству мебели. Так как он всю свою жизнь посвятил плотническому искусству, то разбирался в нем лучше всех людей на свете.

По крайней мере, мне так казалось.

Помню, как частенько сидел у окна и любовался тяжелыми дождевыми каплями, падавшими с неба. С кухни доносился божественный аромат пирожков с мясом. Моя тетя обожала готовить, и в особенности ей удавались пирожки: с мясом, капустой, сыром, вареньем и даже с рыбой. Это был настоящий праздник на любой вкус!

Единственное, что огорчало, – это невозможность уговорить тетю Ребекку отпустить меня на улицу во время дождя, правда, теперь я ее прекрасно понимаю. Иногда, когда дождь шел по ночам, я тайком вылезал через окно своей комнаты и бежал сломя голову по огромному полю, раскинувшемуся перед домом. Мне нравилось ощущение капель дождя на лице и руках. Я бежал и бежал, пока не утыкался в лес, а затем, не сбавляя скорости, возвращался назад. Пусть сейчас это кажется глупым, но в те моменты я был по-настоящему счастлив.

И вот как-то раз во время очередного дождя я, сидя на своем привычном посту возле окна, увидел промокшую до нитки собаку. Она медленно шла в сторону нашего дома, тяжело волоча заднюю лапу.

«Тетя Ребекка! Тетя Ребекка!» – закричал я тогда во весь голос.

Тетя выбежала с кухни перепачканная с ног до головы мукой и с огромными от ужаса глазами: «Что случилось? Что ты так кричишь?»

Когда она увидела причину моих истошных воплей, то тотчас взяла зонт из подставки и исчезла за входной дверью. Сердце замерло. Я подлетел обратно к окну и приник лицом к холодному стеклу. Я увидел, как тетя Ребекка не спеша подошла к собаке. Та ее вначале испугалась и прижала уши, но затем, обнюхав протянутую тетину ладонь, поняла, что ей не причинят никакого вреда, и последовала за доброй женщиной в дом.

Скрипнула дверь, и вот уже тетя стояла на пороге, пропуская вперед несчастное животное. Пес улегся на пол и начал вылизывать больную лапу. Она оказалась сломана, причем перелом был открытый, и кровь никак не останавливалась. Тетя присела на корточки и погладила собаку по голове.

– Послушай, Саймон, – тетя Ребекка взглянула на меня своими большими карими глазами, блестящими от слез. – Я никак не могу ей помочь. Боюсь, что сделаю только хуже. Возьми зонт и беги к мистеру Торесу. Он должен быть сейчас дома. Скажи, чтобы бросал все свои дела и срочно шел к нам.

Конечно же, я не послушал ее насчет зонта и выбежал на улицу в домашней одежде. Тетя что-то кричала мне вслед, но я не мог или даже не хотел ее слышать. Так быстро, наверное, я прежде никогда не бегал. Ноги вгрызались в размытую глиняную дорогу, и во все стороны летели брызги и комья грязи. Но меня это совершенно не волновало. Я не мог думать ни о чем другом, кроме раненой собаки. Казалось, что, если я сейчас хоть немного сбавлю темп, она умрет.

Старый дом ветеринара Альберто Тореса находился на окраине деревни. Он напоминал съжившуюся на солнце изюминку – настолько сильно его потрепало время. Сам Торес был высоким смуглым мужчиной с густыми волосами, вечно торчавшими в разные стороны. Почти всю свою жизнь он прожил в полном одиночестве в старом доме, занимаясь лечением животных. Соседи ценили и уважали его за доброту, но никто не мог с ним подружиться, так как Альберто Торес был довольно странным человеком со своими причудами.

Я подлетел к его дому, едва не навернувшись на крыльце, и со всей силы начал барабанить в дверь.

– Мистер Торес, откройте, пожалуйста! Мистер Торес! – кричал я сквозь звук дождя, заглушавший мои слова.

Дверь отворилась настолько неожиданно, что я буквально ввалился внутрь дома, вскрикнув от удивления. Торес поднял меня с пола и оглядел с ног до головы мою перепачканную натуру.

– Саймон, привет. Что случилось? – Он наклонился, чтобы оказаться на уровне моего роста.

– Там! Помощь! Очень нужна! Помощь! Ваша! – Вместо осмысленной фразы удавались лишь отдельные слова.

– Спокойно. – Торес положил руку мне на плечо. – Скажи, что ты хочешь.

– У нас... – я прикусил губу, подбирая слова. – У нас в доме собака, у нее сломана лапа, и она истекает кровью!

– Пройди в дом, – ветеринар кивнул в сторону гостиной. – Там на кресле лежит полотенце, можешь хоть немного стереть с себя грязь. И жди меня, я быстро оденусь.

Не успел я оглянуться, как Альберто Торес, перепрыгивая через ступени, помчался вверх по лестнице и исчез на втором этаже. Оказавшись один, я последовал его совету и прошел в гостиную, где нашел то самое полотенце. Только тогда я осознал, что весь покрыт слоем грязи. Обернувшись назад, я увидел мокрые глиняные следы, тянувшиеся за мной от самого входа. Стоило бы постыдиться, что я испачкал пол, но дело в том, что вся гостиная была завалена разным хламом. Чего здесь только не было. В глаза бросался чемоданчик с инструментами мистера Тореса – он аккуратно стоял на столе и казался чем-то чужеродным на этой странной свалке. Я постарался припомнить хоть один случай, когда видел ветеринара без чемоданчика, но не смог. В моей голове они были единым целым.

Альберто Торес спустился через несколько минут одетый в коричневый костюм с несколькими заплатками и легким, уверенным движением извлек зонт из-под одной из куч хлама. От удивления я открыл рот. Это было так странно. Торес схватил со стола чемоданчик и, даже не поворачиваясь в мою сторону, направился к выходу.

– Пойдем скорее, нам нужно спешить, – бросил он мне на ходу.

Когда мы пришли в дом тети Ребекки, она все так же си-

дела рядом с собакой и гладила ее по голове, а та, тяжело дыша, лежала с закрытыми глазами. Альберто коротко попросил тетю отойти в сторону. Она неукоснительно повиновалась приказу ветеринара.

Я не знаю, как правильно передать на бумаге то, что я тогда увидел. Боже мой! Как нежно и трепетно Торес обращался с псом. Каждое его движение было уверенным, но в то же время очень аккуратным. Пес доверился незнакомому человеку, будто чувствовал: он не причинит ему вреда, он хочет помочь. Трудно сказать, сколько времени прошло с того момента, как Торес принялся за дело. Может быть, час, два, а может, и пятнадцать минут. Когда все было закончено, мы укутали пса в одеяло и положили поближе к камину, чтобы он мог наконец согреться.

Альберто Торес сел на табуретку, тяжело вздохнул и достал из кармана пачку папирос. Тяжелый табачный дым заполнил собой помещение. Пес не сводил благодарного взгляда с ветеринара. Альберто улыбнулся ему в ответ и сказал: «Так-то лучше, дружок. Теперь все будет хорошо».

Я на всю жизнь запомнил то далекое мгновение. До сих пор прекрасно помню все вплоть до самых мелочей: пса, укутанного в красно-черное одеяло, мистера Тореса, поправляющего длинную челку, сбившуюся на лоб, тетю Ребекку, нервно покусывающую ногти, и, конечно, самого себя.

Тогда что-то изменилось во мне, и я осознал, что хочу стать врачом, чтобы помогать другим людям. Альберто То-

рес был настоящим героем. А как же иначе? На мой взгляд, человек, спасший жизнь беззащитной собаке, не может быть никем другим, кроме как героем.

Пса мы оставили у себя и назвали его Марти. Со временем он стал для меня самым близким другом. Никого ближе у меня до сих пор не было.

Первый снег

Ноябрь 1952 года

Что-то не так. Что-то происходит в моей голове. Вчера ночью умер отец, но мать позвонила только вечером, когда я вернулся домой. Помню, как переступил порог квартиры и почувствовал запах свежеприготовленного ужина. Моя жена Лиза стояла у обеденного стола в своем любимом белом фартуке и расставляла тарелки. Она всегда приходила домой раньше меня, чтобы успеть приготовить на ужин что-нибудь вкусное по одному из своих бесчисленных рецептов. Услышав звук закрывшейся двери, она испуганно обернулась, но уже в следующую секунду ласково улыбнулась. Я только и успел, что улыбнуться в ответ, как висящий на стене телефон настырно зазвонил.

– Наконец-то ты дома, – тихо произнесла Лиза. – Я уже начала думать, что ты остался жить на работе.

– Нет, конечно. Всё эти проклятые дежурства, – стягивая с ноги ботинок, ответил я. – Они кого угодно сведут в могилу.

Телефон продолжал надрываться. В то мгновение я еще не понимал, что это не обычный звонок, а событие, которое изменит всю мою жизнь. Плюнув на второй ботинок, я сделал два шага вперед, чтобы дотянуться до телефонной трубки.

– Алло. Добрый вечер, – сказал я, прижав трубку к уху.

Но в ответ была лишь тишина, сквозь которую прорывались еле слышные всхлипы. Сердце в ужасе замерло в моей груди, и я ощутил пустоту. Можно ли назвать это интуицией или предчувствием? Не знаю, но так оно и было.

– Прости, – наконец услышал я голос своей матери. – Я так надеялась, что смогу быть сильной. Но услышав тебя...

– Что случилось? – Голос оборвался на втором слове и стал в несколько раз выше.

– Твой отец умер, – словно собрав всю волю в кулак, резко выпалила она.

– Господи... – одними губами сказал я.

Мир вокруг завертелся, и стало очень душно. Если бы не подхватившая меня вовремя Лиза, я непременно бы рухнул на пол. Не знаю, как она умудрилась так быстро преодолеть это расстояние, но я ей очень благодарен.

Когда я все-таки смог взять себя в руки, то проговорил с матерью еще порядка десяти–пятнадцати минут. Наш разговор то и дело прерывался на ее слезы и мои попытки совладать с голосом. В конечном итоге я узнал все, что хотел.

Мой отец умер во сне. Как врач, я прекрасно понимаю, что он не почувствовал никакой боли, а просто ушел. Тихо и спокойно.

На душе холод и смрад. С другой стороны, что я мог почувствовать кроме этого? Каждое мгновение я не перестаю винить себя в том, что не был рядом с ним, хотя, если как следует подумать, моей вины здесь нет.

Весь вечер Лиза поддерживала меня, убеждала, что боль пройдет и тогда обязательно станет легче, но почему-то у меня сохранялось стойкое ощущение, что это совсем не так. Оно и сейчас не покидает меня, а все началось с голоса матери в телефонной трубке.

Лиза... Как же я люблю ее. Я лежу в кровати, а она тихонько спит у меня на плече: такая добрая, красивая и родная. В голове крутятся фрагменты давно минувших дней. Я невольно вспоминаю все, что навеки связало нас: как мы познакомились, сыграли свадьбу, как переехали в собственную квартиру и многое-многое другое. Я мог бы перечислять до бесконечности. А ведь если бы не отец, мы бы с ней не были вместе. Я бы не знал, как ее зовут, да и она бы не знала моего имени, а со временем мы забыли бы о существовании друг друга.

В памяти жив тот день, когда мы познакомились. Грозный шумный поезд, испуская клубы дыма из закопченной трубы, прибыл на станцию, чтобы высадить меня и еще нескольких пассажиров. Спустившись по ступенькам, я почувствовал под ногами платформу знакомого города, где мне посчастливилось провести свое детство. Охваченный воспоминаниями прошлого, я решил добраться до родительского дома пешком, чтобы повидать места, с которыми меня что-либо связывало. Помню, что погода стояла превосходная – июнь расцвел в полную силу и наполнил воздух запахами цветов. Возможно, это звучит излишне романтично, но в действи-

тельности все так и было. Я приехал в город, чтобы повидать родителей, по которым порядком соскучился.

Я шел по городу и улыбался как последний дурак, махал людям, успел попинать мяч с местной детворой и купить для матери букет цветов. Дорога сама привела к дому, и я оказался на стареньком, потертom временем крыльце. Опустив взгляд, я увидел на одной из досок свое имя, вырезанное ножом, что стащил из отцовских инструментов. Меня поразил тот факт, что крыльцо с тех пор уже неоднократно перекрашивалось, но кисть отца раз за разом обходила место моего, не побоюсь этого слова, шkodничества.

Пока я стоял, уставившись в пол, мать увидела меня через окно. В следующее мгновение дверь открылась, и я потонул в крепких объятиях женщины, которая навсегда останется для меня молодой и самой родной на свете.

Мы прошли в дом, где я отдал ей цветы, а сам направился в гостиную, откуда раздавался голос отца. Не имея ни малейшего представления, с кем он разговаривает, я подумал, что к нему зашел кто-то из его друзей, но, переступив порог комнаты, понял, как сильно ошибся. Прямо перед отцом стояла хрупкая девушка с длинными светлыми волосами и большими зелеными глазами. Она посмотрела на меня, и мы оба замерли. Пусть многие люди считают, что любовь с первого взгляда – это чушь и бредни поэтов и писателей, только со своей стороны хотел бы заметить: они не правы. В тот самый миг я влюбился в таинственную незнакомку, а она, как

я узнал позже, влюбилась в меня.

Отец представил нас друг другу, а мы сами не смогли проронить ни слова. Чтобы прервать неловкое молчание, отец взял все в свои руки.

– Лиза, ты, кажется, говорила, что тебе нужно убежать к подруге? – спросил у нее отец.

– Да, – опомнилась девушка, – совсем позабыла. Простите меня. Я еще зайду к вам на этой неделе.

– Конечно, не переживай. Твой вопрос мы решим, и больше никаких проблем не будет.

– Спасибо, – сказала Лиза отцу и затем перевела взгляд на меня. – Была рада с вами познакомиться.

Что же ответил я? Ничего. Только кивнул. Она прошла мимо, а я продолжал смотреть прямо перед собой, не понимая, что же сейчас произошло. Отец, смеясь, похлопал меня по плечу и понимающе покачал головой.

Через несколько дней под вечер, когда звезды рассыпались по небосклону, я сидел на крыльце и всматривался в небо. Сзади подошел отец и аккуратно кашлянул в кулак, чтобы привлечь мое внимание.

– Не потревожу? – спросил он.

– Нет, конечно. Садись! – закинув голову назад, чтобы видеть его, ответил я.

До этого момента я никогда не замечал, что отец стареет. Взявшись за перила, он медленно присел рядом со мной. На его лице я успел заметить легкую тень боли, которую он

тщательно скрывал ото всех.

– Знаешь, чего в жизни нельзя вернуть? – с ехидной улыбкой поинтересовался отец. – Только не вдавайся в глубину вопроса. Самое простое и очевидное.

– Прошлого?

– Не совсем. Мгновений. Крохотных песчинок нашей жизни, из которых и складывается сама жизнь. Одно упустил, и все другие изменились. Ты никогда не вернешь прекрасного мгновения, что потерял по собственной глупости.

– Прости, ты это к чему? – удивился я.

– Майкл, ты и сам знаешь. Чего ты боишься? Между прочим, я почти уверен, что ты ей тоже нравишься.

– А если не получится?

– Не получится что? Поужинать с красивой девушкой и проводить ее до дома?

– Нет. Что, если ничего из этого не выйдет и это просто ошибка?

– Ты опять глубоко копаешь. Цени мгновения. Любое из них может стать твоей судьбой, а если нет, то прими его с благодарностью и иди дальше своим путем.

Да, я помню выражение лица своего отца, когда он говорил это. Помню каждую морщинку на его лице. Помню прядь седых волос справа над ухом. И конечно, помню, что то самое мгновение, которое мне удалось поймать, действительно изменило жизнь в лучшую сторону.

На следующий день я пришел к дому Лизы с букетом цве-

тов. Ноги у меня дрожали. Пожалуй, язык не повернется назвать человека, которым я был тогда, храбрым или решительным, только, к счастью, мне все же хватило смелости, одолженной у отца, чтобы подойти к двери и несколько раз постучать.

Прошло полгода, и мы с Лизой уверенно ответили «да» на коронный вопрос священника в церкви, тем самым ознаменовав для самих себя начало новой и неизведанной эпохи.

Если бы отец тогда ничего не сказал, я наверняка покинул бы родительский дом, так и не поговорив с Лизой. И долгие годы не мог бы простить себе этого. Вот что значит оказать поддержку в нужное время и в нужном месте. Многие люди любили моего отца именно за это – он словно знал, что нужно каждому конкретному человеку, мог найти свой особенный подход. Но теперь отца не стало...

Сон все-таки одолел меня, и я погрузился в черную пучину. Тишина. Такое ощущение, что больше не существует ничего, кроме нее. Я чувствую ее. Я слышу ее. Не знаю, как можно слышать тишину, но клянусь – я слышу ее. Постепенно из ниоткуда возникло множество голосов. Они кружили вокруг, подобно пчелиному рою. Гул то нарастал, то становился тише. Кем были хозяева этих голосов? Невозможно ответить. Если они и существовали, то были скрыты во тьме.

Я вздрогнул и проснулся, тяжело дыша. Черт побери! Если верить часам, я проспал всего лишь два часа. С улицы в комнату проникал слабый свет фонаря. Наша малень-

кая комната дремала в полумраке осеннего города, бережно укрытая толстыми кирпичными стенами. Створка окна поскрипывала от каждого дуновения ветра, и единственным звуком, который я слышал кроме этого скрипа, было монотонное тиканье настенных часов. Понимая, что больше не удастся уснуть, я решил немного пройтись, подышать воздухом и попытаться прогнать из головы ужасные образы, навеянные сном.

Стараясь изо всех сил не потревожить Лизу, я медленно поднялся с кровати и осторожно двинулся к стулу в углу комнаты, где аккуратно сложенными лежали брюки и рубашка.

Но, несмотря на все усилия, старые половые доски запели свою заунывную песню. Услышав мои шаги, Лиза проснулась. Она всегда спала очень чутко. Эта особенность сохранилась у нее с тех пор, как она была ребенком и жила с родителями. Ее отец постоянно пил. Каждый раз после работы на заводе вместо того, чтобы идти домой, он прятался от всех в небольшой пивной, расположенной в подвале театра, и напивался до такой степени, что попросту переставал себя контролировать. Владелец пивной, чьего имени сейчас уже никто и не вспомнит, выпроваживал рассвирепевшего мужчину на улицу, и тот направлялся домой, где выплескивал свой гнев на жену и ребенка. Он избивал их только для того, чтобы облегчить свои страдания из-за неудачно сложившейся жизни. Отец Лизы ненавидел все, что было у него: дом, семью, работу. Ему казалось, будто его кто-то обманул

и украл настоящую жизнь, которую он заслуживал. С тех самых далеких довоенных дней чуткий сон Лизы стал ее особенностью, ведь именно благодаря ему она, заслышав шаги отца, могла спрятаться в шкафу, где он почему-то никогда ее не искал. И вот теперь она лежала в полумраке и смотрела на меня с удивлением, не понимая, куда я собираюсь посреди ночи.

– Спи. Я скоро вернусь, – произнес я шепотом. – Мне просто нужно немного подышать воздухом.

– Хочешь, я пойду с тобой? – Она прекрасно понимала, что творилось у меня в душе.

– Нет, не надо. Тебе рано вставать, к тому же я сейчас хочу немного побыть один.

– Я люблю тебя, – со всей своей нежностью сказала она.

– Я тоже тебя люблю. – Я подошел к Лизе и поцеловал ее в щеку.

Что-то изменилось. Не знаю. Не могу объяснить, но что-то определенно было не так. Я смотрел на мою Лизу и чувствовал, как что-то пожирает меня изнутри. Вокруг была только мертвая тишина. Такое ощущение, словно весь мир замер в это странное мгновение. «Ведь так было и во сне», – подумал я.

Не прошло и минуты, как Лиза вновь заснула. Я аккуратно провел рукой по ее волосам и подошел к двери. Бросил еще один взгляд на комнату, и в голове у меня пронеслась безумная мысль: «Я больше никогда не вернусь в этот мир». Отку-

да мог появиться подобный бред? Глупость какая-то. Стоило встряхнуть головой, и странные мысли тут же рассеялись. Закрыв дверь в квартиру, я очутился в коридоре, где было достаточно сыро и холодно. Само собой, кроме меня, здесь никого не было. Удивительно, как все вокруг нас меняется с приходом ночи. Днем здесь всегда светло, слышны голоса людей, а сейчас пустота, и только под самым потолком горела одинокая лампочка, увитая тонкими нитями паутины.

Я укутался в шарф и застегнул на все пуговицы кожаное пальто – заболеть сейчас было бы абсолютно неуместно. Преодолев несколько дверей, ведущих в соседские квартиры, я очутился напротив лестницы на первый этаж. Ноги сами понесли меня вниз по ступенькам. Мне очень хотелось курить. Я достал из кармана трубку, подаренную на день рождения, и попытался набить ее табаком. Но руки отказались слушаться – только сейчас я осознал, как сильно они дрожат. Табак выскальзывал из пальцев и падал на пол. Неожиданно в глазах потемнело. Дышать стало невыносимо трудно. Облокотившись на стену, я сполз вниз и сел на ступеньки, чтобы попытаться прийти в себя.

Большинство соседей давным-давно спали, и только старая маленькая Лилит, жившая прямо напротив лестницы на первом этаже, вновь проигрывала свою любимую пластинку на громоздком патефоне. Хорошо знакомая мелодия доносилась из-за двери, долетая до меня легким эхом. Каждую ночь Лилит включала ее и танцевала до самого рассвета, счи-

тая, что в эти мгновения ее усопший муж возвращается к ней из мира мертвых. Если бы она не встретила этого бедного моряка много лет назад, то, как и хотели ее родители, вышла бы замуж за богатого владельца обувной фабрики. Сейчас она могла бы жить в большом доме, окруженная счастьем, деньгами, детьми и внуками, но судьба сложилась иначе. Мимолетные желания, детские мечты и в конце концов любовь сделали свое дело. Она стала несчастным живым существом, чье сердце продолжало биться только благодаря воспоминаниям. И самое забавное состоит в том, что, если бы у нее была возможность начать все сначала и прожить жизнь по другому сценарию, Лилит непременно бы отказалась. Ее историю знали все жители нашего маленького дома, каждый относился к ней с пониманием, и потому музыка, струившаяся из патефона посреди ночи, не вызывала никакой злости в отношении Лилит.

Стоило мне подумать, что я начинаю приходить в себя, как в голове резко загудело. Сердце, разогнавшееся до бешеной скорости, пыталось разорвать плоть и выпрыгнуть наружу. Я обхватил голову руками и прижался лбом к холодной стене. Гул не проходил, а только усиливался с каждой секундой, перерастая в боль. Даже учитывая возможную реакцию на новость о смерти отца, я не мог найти ни единого объяснения происходившему с моим телом. Депрессия, которая, кроме того, была мне не свойственна, не могла проявляться подобным образом. Это было что-то другое.

Входная дверь отворилась, и кто-то зашел в подъезд. Я попытался поднять глаза, чтобы увидеть неожиданного гостя, но адская боль в голове не позволила мне этого сделать. Я хотел попросить о помощи – слова не желали вылетать из моего рта. Незнакомец прошел мимо, не обратив внимания на страдающего человека, и направился наверх. Неожиданно боль немного отступила. С большим трудом, продолжая облокачиваться на стену, я встал на ноги и направился к выходу. Открыв дверь, я почувствовал холодный осенний воздух, ударивший в лицо. Но и это не помогло. Я сделал несколько шагов вперед и из-за подкосившихся ног рухнул на колени. Боль вернулась и принесла с собой чувство жжения по всему телу. Картинка перед глазами поплыла, и в конце концов я перестал что-либо видеть.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я очнулся. Я очутился в темноте в ледяной ванне. В маленькое помещение через открытую дверь проникал свет из комнаты. Я был в своей квартире, сомневаться в этом не приходилось. Тело все еще не слушалось приказов мозга, но я все-таки сумел вылезти из ванны и встал напротив зеркала. Но своего отражения я не увидел. Зеркало было чем-то измазано. Я провел по нему пальцами и посмотрел на них. Кровь.

Шатаясь, вышел из ванной. Представшая картина повергла меня в шок. Я увидел Лизу, лежащую на полу. Ее глаза были широко открыты, но она не дышала, а от тела к кровати вел кровавый след. Возле окна, глядя на улицу, стоял

Незнакомец в шляпе, перчатках и длинном плаще.

Вновь оказавшись на улице, я глубоко вдохнул осенний воздух, впуская его в свои легкие, и почувствовал облегчение. Все было кончено. Теперь началась совсем другая история моей жизни. Я поднял голову к небу, затянутому тяжелыми тучами. Совсем скоро, с минуты на минуту он будет здесь.

На землю выпал первый снег.

Новая жизнь

22 сентября 1956 года

С самого утра погода не ладилась. Я сидел в кресле возле окна, неспешно попивая виски из старого стакана, что нашел в шкафу во время переезда, и думал о том, какой путь проделал за последнее время. Помню, как всего пару недель назад проснулся в своей комнате. В той самой комнате, куда меня принесли через несколько дней после рождения.

А теперь я здесь – в совершенно незнакомом городе. Сиджу и люблюсь улицей, по которой из стороны в сторону бродят прохожие. Каждый из них занят своим собственным делом, охвачен своими собственными мыслями. Их различия на первый взгляд кажутся колоссальными, но в действительности, если копнуть поглубже, окажется, что они слишком похожи друг на друга. А благодаря осени, что заставила всех облачиться в одинаковые одежды, правда стала более очевидна.

Для чего я сюда приехал? Бросил мать, родной дом и друзей, чтобы начать новую жизнь, но ведь моя прежняя жизнь не была особенно плохой. Может быть, меня толкнули на этот шаг деньги? Или так проявляется следующий этап взросления? Сказать точно пока не могу, но знаю одно: осенняя хандра пришла в самое неудачное время.

Сейчас все люди вокруг кажутся мне ужасными. Эдакие

дикие звери в костюмах и галстуках. Представьте, вы идете на работу, садитесь в автобус. Рядом сидит гиена в коричневом пальто с поднятым воротом и читает газету, прямо перед вами, развалившись на нескольких местах, восседает лев с пышной гривой. На нем надет костюм в тонкую полоску, а грива расчесана с аккуратным пробором. Он то и дело демонстрирует свой блестящий оскал, чтобы показать всем, насколько он лучше, чем они. Позади квохчут курицы в элегантных шляпках, обсуждая какую-то индюшку. И все в таком духе. Вы едете среди тех, в ком от людей остались лишь одежды.

Мне кажется, будто люди живут не для того, чтобы наслаждаться тем, что нам дано, а для того, чтобы получить как можно большую выгоду от работы, знакомых, друзей и даже любимых. Неужели люди забыли цену собственной жизни и жизнью тех, кто находится рядом? С другой стороны, возможно, они никогда этого и не знали. Конечно, и я не идеал, однако, проведя какое-то время на практике в хосписе, могу сказать, что мы должны жить каждой секундой, ценить каждое мгновение, потому что завтра для нас все может закончиться. Глупое и бессмысленное падение кирпича на голову, болезнь, автомобильная авария. Список причин бесконечен, и, выходя утром из дома, нельзя наверняка сказать, суждено ли вернуться назад.

Но разве понимают это толпы безумцев за окном, стремящихся заработать как можно больше и уверенных, что весь

мир лежит у их ног? Радует только то, что далеко не все такие. Иногда на жизненном пути в самом неожиданном месте мы можем повстречать хорошего человека. Разглядеть его довольно трудно. Хорошие люди не всегда счастливые и добрые. Из-за трудностей они могут озлобиться, стать черствыми, но то, что делает их хорошими, никуда не денется. Жаль, что их на свете не так много.

Я глубоко вздохнул и закрыл глаза. Будь моя воля, я бы не ходил на работу, а только спал и читал, выбираясь из квартиры в исключительных случаях. В этот момент раздался стук в дверь, и из-за нее послышался голос моего соседа Антонио Домингеса: «Доктор Брис, вы дома? Я принес вам парочку свежих новостей и не самую свежую почту!»

Подниматься с кресла совершенно не хотелось. Но Антонио Домингес – это, пожалуй, единственный человек, которому я действительно был рад. Отставив в сторону стакан, я сделал над собой усилие, встал и вышел в коридор. Несколько раз повернув старый ржавый замок, что то и дело совершал холостые обороты, я открыл дверь. Передо мной стоял высокий пожилой мужчина с лохматыми седыми волосами и роскошными закрученными усами, напоминающими моду девятнадцатого века. На нем был надет чистый костюм кремового цвета с несколькими заплатками на рукавах.

– Для вас, Антонио, я всегда дома, – сказал я, улыбаясь и жестом приглашая гостя пройти в квартиру.

– Раз такое дело, – пожал плечами Антонио и ответил со-

гласием на мое приглашение. – Кстати! Доброе утро, доктор! Или для вас оно не настолько уж и доброе? – Он определенно заметил стакан на полу рядом с креслом.

– Вполне сносное. Правда, хандра немного заела, но ничего страшного. Не желаете выпить?

Антонио упер руки в бока и принял удивленный вид, будто бы говоря: «Что вы такое предлагаете? Пить в столь ранний час?» Хотя я прекрасно знал: он не откажется.

– Раз выпить мне предлагает доктор, значит, это окажет исключительно положительное воздействие на мой организм? – поинтересовался сосед и подмигнул.

– Я бы так не сказал, но немного виски вас определенно не убьет.

Подойдя к шкафу, я отворил верхнюю дверцу и извлек оттуда еще один стакан. Вся мебель и посуда перешли мне, так сказать, по наследству от прошлого владельца квартиры, а судя по тому, что, когда я сюда переехал, все было покрыто толстым слоем пыли и путины, здесь уже очень давно никто не жил. Легким движением руки я откупорил бутылку, наполнил стакан для гостя и передал ему. Мой сосед легкой походкой направился напрямиком к креслу, где удобно расположился и стал напевать какую-то веселую песню на испанском языке. Немного жаль, что я не знаю испанского, но это не беда.

Я взял с тумбочки кучу писем, которые принес Антонио, и начал их просматривать. Помимо счета за квартиру при-

шло много писем от друзей по институту, мамы, бабушки и дедушкой и даже письмо от тети Ребекки. Удивительно, ведь последние несколько лет я не получал от нее ни единой весточки, а мои поездки в их с дядей загородный дом оборвались достаточно резко. Я разорвал конверт и достал оттуда небольшой лист бумаги, сложенный пополам. Да, это тетин почерк. Мне кажется, что я даже почувствовал легкий аромат ее духов.

Дорогой Саймон!

Прости, что долго не писала тебе, но ты ведь знаешь, как много времени отнимает домашнее хозяйство, да еще и твой дядя немного приболел. Я хотела от всей души поздравить тебя с новой работой и пожелать, чтобы ты наконец нашел свое счастье. Начинать с чистого листа всегда очень сложно, но порой бывает просто необходимо. Даже если сейчас ты сомневаешься в правильности своего выбора, не спеши возвращаться назад. Дай себе и людям рядом с тобой какое-то время. Может быть, оно и к лучшему, что ты уехал.

Мы сейчас вместе с твоим дядей Дэйкобом занялись ремонтом дома. Должно получиться очень неплохо! Надеюсь, ты как-нибудь заедешь к нам и сам оценишь наши труды по достоинству.

А помнишь те розы, что я посадила на могиле Марти? Ты бы только видел, как они цвели в этом году! Огромные

бутоны нежного красного цвета. А как долго они держались! Знаешь, ты, наверное, был прав, когда сказал, что даже после смерти тепло души умершего согревает нас и землю. Каждый раз, глядя на розы, я вспоминала Марти, радостно вилявшего хвостом в ожидании прогулки.

Больше не хочу отнимать твое время. Еще раз, мой дорогой, поздравляю тебя!

Приезжай летом к нам!

С любовью, твоя тетя Ребекка

– Ничего, доктор, это пройдет, – возвращаясь в реальность, услышал я голос Антонио.

– Извините, что вы сказали?

– Я говорю, вы просто еще не привыкли к нашему городу и к своему новому дому. Я по первости тоже долго страдал. Никак не мог привыкнуть к климату и ритму жизни, но посмотрите на меня теперь! Хорош, не правда ли?

– Да, возможно, вы правы, – согласился я с Антонио, а для себя отметил, как это странно – услышать одну и ту же мысль от незнакомых людей.

– В сегодняшней газете есть парочка интересных статей, – изрек Антонио, листая большие страницы свежей прессы.

Он вальяжно положил ногу на ногу и достал из кармана старенькие очки, дышавшие на ладан. Они очень забавно смотрелись у него на лице, особенно в сочетании с густыми закрученными усами. Будто собираясь выступить перед

публикой с важным объявлением, он откашлялся – так голос будет звучать четче.

– На первой полосе вновь пишут про убийцу. Саймон, я думаю, вам довелось услышать местные сплетни? Ведь последнее убийство произошло через несколько дней после вашего приезда. – Немного наклонив голову, дабы не мешали очки, Антонио взглянул на меня поверх газеты.

– Слышал. Не так много, но слышал, – подтвердил я.

– Не зная вас, можно было бы предположить, что вы и есть убийца, – слегка ухмыльнулся Антонио. – На самом деле удивительно то, что полиция изловила предполагаемого маньяка еще в июне. Они нашли его в амбаре за чертой города. Но, похоже, brave служители порядка ошиблись.

– Так, может быть, это кто-то другой? Мало ли больных на свете...

– Нет, – перебил меня Антонио. – Либо тот же самый, либо тот, кто стремится быть похожим на него. Понимаете, на месте убийства он всегда оставлял небольшие записки непонятного содержания, будто пытаюсь оправдать свои поступки.

– И что же там было написано в последний раз? – спросил я, все так же стоя у окна и изучая улицу.

– Точно вспомнить не смогу. Память совсем плохая, но там было что-то про фонтаны, перекрестки... Как же там было? – Антонио нахмурился, заставляя мозг работать изо всех сил. – Плевать! Все равно не вспомню.

Удивительно, что тетя Ребекка написала мне именно сейчас. Она не писала, даже когда я закончил учебу. Ее письмо оживило в памяти давно ушедшие годы. Как тепло было тогда в детстве: никаких забот, ты наивный маленький ребенок, еще не разучившийся искренне любить. Она права. Нужно будет обязательно съездить к ней.

– Все эти наши разговоры про убийцу напомнили мне одну занятную теорию. – Я повернулся к гостю лицом. – Только не могли бы вы для начала плеснуть мне еще немного виски? – спросил Антонио, широко улыбаясь.

– А как же разговоры о том, как можно пить в столь ранний час?

– Ну что вы, доктор. Я же просто пошутил. Пара капель не смогут столь быстро прикончить мой стареющий организм.

Не произнося ни слова, я взял стакан из его рук и наполнил до краев. Может быть, это было лишним, однако пусть пьет, раз ему так хочется.

– Вы когда-нибудь слышали о теории профессора Томаса Поборски из Пражского университета о вечном покое? – излишне строгим тоном поинтересовался мой сосед.

Я внимательно смотрел на него: очки сдвинуты на кончик носа, руки сложены на животе. При первой встрече Антонио показался мне немного странным из-за резких движений, чрезвычайно подвижной мимики и манеры разговаривать так, словно он выступает на сцене театра. Но теперь, когда мне удалось познакомиться с ним поближе, я видел перед

собой доброго, искреннего, но очень одинокого человека.

– Нет, никогда не слышал.

– Тогда я вам расскажу. О профессоре Поборски знают очень немногие. Основная часть его плодотворной работы пришлась на начало столетия. Всю свою сознательную жизнь он провел в Праге: жил и работал здесь, только иногда выезжая на конференции и прочие мероприятия, посвященные его профессии. И вот однажды, когда профессор Поборски был на семинаре в Лондоне и общался с коллегами, ему в голову пришла очень интересная идея. Само собой, в стройную теорию она сформировалась далеко не сразу, но уже через несколько месяцев в одном из уважаемых изданий появилась статья под заголовком «Теория о вечном покое».

– Простите, я перебыю. А вы были знакомы с профессором или только читали статью? – Мой интерес не позволил дожидаться окончания рассказа.

– Был знаком, – кивнул Антонио. – Мы познакомились случайно в поезде. Оба ехали в Мадрид, и наши места оказались рядом. Я заметил в его руках книгу Иммануила Канта «Критика чистого разума», и у нас завязался долгий и очень интересный разговор. Могу продолжить?

– Конечно.

– Если вкратце и не вдаваясь в подробности, то его теория заключается в том, что люди живут только для того, чтобы однажды умереть и получить наказание, соразмерное прожитой жизни. И не важно, чьими руками будет приведен в

исполнение приговор. Бог, дьявол, Кришна, Будда – это все второстепенные вопросы. Он говорил о том, что тот, кто в течение жизни был несчастен и страдал, после смерти обретет вечный покой, то есть навсегда исчезнет из этого мира. Он подразумевал забвение. А тот, кто был счастлив и у кого все получалось, обречен на вечные страдания. Как вы думаете, Саймон, почему? – Антонио слегка наклонил голову набок, ожидая услышать мой ответ.

– Возможно... – только и смог вымолвить я, а затем повисла долгая пауза. – Возможно, их счастьем необходим противовес? То есть своими страданиями после смерти они уравнивают чашу весов?

– О нет, доктор! Совсем не поэтому, – категорично замахал руками Антонио. – Дело здесь в том, что, по мнению профессора Поборски, счастья в жизни возможно достичь только благодаря несчастью других. Люди становятся счастливыми в любви, делах и тому подобном только потому, что они кого-то обошли или у кого-то что-то не вышло. В том смысле, что они стали преградой на пути чужого счастья. Именно поэтому после смерти им суждено вечно расплачиваться за свой жизненный путь, проложенный по телам других. А тот, кто был несчастен и тем самым не становился ни у кого на пути, в качестве награды получит вечный покой за чистоту своей души.

– Вам не кажется, что теория слишком жестока? Она не может быть правдой, – удивился я услышанному от Антонио.

– Это всего-навсего одна из теорий, доктор. Как и многие другие философские мысли, она дает свою трактовку и объяснение нашей жизни и при этом может быть с легкостью опровергнута другой теорией, которая также ничем не подкреплена на практике. Только есть один нюанс: каждое мнение содержит в себе хотя бы крупицу истины. – Антонио снова улыбнулся и пропел пару строчек на испанском языке.

Я сделал несколько шагов по комнате, позволив себе поддаться размышлениям о теории профессора Поборски. Неужели человеческая жестокость или скорее комплексы прошлого способны создать подобную идею? Любая мысль, рожденная нашим разумом, отчасти представляет собой отражение пережитых событий. Если привести грубый пример, то я мог бы предложить представить девушку, подвергшуюся насилию: ее восприятие мужчин способно в корне измениться. Она будет их бояться или рассматривать как врагов. И вся дальнейшая ее жизнь будет основана на взгляде через подобную призму. Судя по всему, профессор Поборски также пережил некую психологическую травму, заставившую его разум породить теорию о вечном покое. И пусть Антонио действительно прав, говоря, что в любой точке зрения содержится хоть крупица правды, но я не желаю видеть правду в теории Томаса Поборски.

– Скажите, Антонио, а вы верите в жизнь после смерти? – поинтересовался я.

– Хм. Даже не знаю, как сказать, но...

Раздался громкий стук в дверь, и из-за нее послышался юношеский голос: «Доктор Саймон Брис, вас просят приехать в больницу! Доктор Саймон Брис!»

Я отворил дверь и увидел на пороге молодого парнишку в сдвинутой набок кепке. Он выглядел словно карикатура из юмористического журнала, особенно учитывая его невысокий рост, веснушчатое лицо и оттопыренные уши.

– Добрый день, – поприветствовал я незнакомого мне человека.

– Добрый день, доктор. Вас просят скорее приехать в больницу. – Парень вытер нос рукавом своего пиджака. – Я приехал прямиком из больницы. Машина ждет нас внизу.

– А что случилось?

– Сегодня нашли очередную жертву убийцы, и вас просят сделать вскрытие.

– Но к чему такая спешка? – Ради вскрытия за мной еще никогда не посылали машину.

– Не знаю. Об этом вам лучше спросить полицейских. Они будут сидеть в больнице, пока не получат результаты.

– Разве, кроме меня, некому больше этим заняться? – Я знал как минимум трех врачей, один из которых должен был сегодня дежурить.

– Извините, сэр. Я действительно не знаю. Мое дело простое: сказали съездить за доктором Брисом, я и приехал.

– Ладно, поехали. Я только быстро оденусь. Можете пока пройти в квартиру.

Я уступил ему дорогу, и он зашел в комнату.

– Познакомьтесь, – сказал я, указывая на Антонио, – мой хороший друг Антонио Домингес. А кстати, вашего имени я так и не знаю.

– Леонард, – стягивая с головы кепку, стеснительно произнес веснушчатый парень.

– Приятно познакомиться. – Я крепко пожал ему руку. – Я быстро, Леонард.

После этих слов я направился в комнату, чтобы разыскать подходящую одежду. Пока натягивал брюки и рубашку, до меня доносились голоса Антонио и Леонарда. Мой сосед расспрашивал парня о том, как ему работается в больнице, а тот старался отвечать как можно короче и сдержаннее. То ли он чувствовал себя очень неловко, то ли ему просто была неприятна вся ситуация и хотелось быстрее выбраться из незнакомой квартиры.

Труднее всего оказалось найти пиджак. Я не имел ни малейшего понятия, куда засунул его вчера вечером. Не обнаружив его ни на кресле, ни в шкафу, я предпринял отчаянную попытку и встал на колени, чтобы заглянуть под кровать. Там он и оказался. На правом плече оказался внушительный комок пыли, указывавший на необходимость срочно убрать-ся в квартире, ведь могло сложиться впечатление, что прошлый раз здесь убирались, когда еще были живы динозавры. Я не то чтобы сделал выводы, но снял его с пиджака и закинул обратно под кровать.

– А вот и доктор! – с облегчением воскликнул Антонио. – Я оказался не самым лучшим собеседником для молодого человека.

Леонард ничего не ответил, а лишь потупил взгляд.

– Поехали. Не будем терять ни минуты. Хочу поскорее разобраться с этим делом, – схватив по пути пальто, сказал я Леонарду.

– Да, сэр, – согласился парнишка, не поднимая глаз.

– Доктор, а вам точно не повредит...

– Спокойно, Антонио. – Я был практически уверен, что он собирался спросить про выпитый алкоголь, и потому поспешил прервать фразу. – Не стоит переживать. Лучше ожидайте меня с интересными новостями.

Вскрытие неизвестности

Мне предстояло провести первое вскрытие на должности врача в новом для меня городе. Когда я приехал сюда, меня сразу поставили перед фактом, что это будет входить в должностные обязанности. Не знаю почему, но тогда я не решился спросить, по какой причине именно я должен заниматься подобными вещами, а не патологоанатом. С тех пор вопрос так и остался без ответа. Правда, я заметил, что патологоанатома попросту нет в штате больницы и каждый из врачей по очереди берет на себя обязанности по вскрытию умерших.

В действительности вскрытие являлось для меня одной из самых ужасных процедур. Звучит странно, не спору. Врач, которого трясет при одной мысли о трупах, представляет собой довольно жалкое зрелище и вряд ли вызовет доверие.

На мой взгляд, копошиться внутри мертвого человека – все равно что пытаться увидеть его грязные тайны, которые он так усердно скрывал на протяжении жизни от окружающих. Ухватить одну из них между селезенкой и желудком и рвануть вверх. Она будет извиваться, пытаться вернуться обратно, а ты крепко держишь ее, сжимая руками в резиновых перчатках, и смотришь, как она медленно угасает на свету раскаленных ламп. Безумная мысль.

И вот я стоял и смотрел на того, кто всего лишь день назад жил, дышал, мыслил, а теперь его просто нет. Здесь осталась

только внешняя оболочка, которую через несколько мгновений должен разрезать острый хирургический скальпель для того, чтобы попытаться узнать то, что было известно мертвецу, но о чем он никогда не сможет поведать сам.

Двое полицейских ожидали результаты вскрытия наверху, попивая больничный чай и заигрывая с медсестрой. Самое интересное, что она была нисколько не против подобного флирта, несмотря на обручальное кольцо на безымянном пальце. Когда я увидел ее впервые, она показалась мне слишком строгой для своих двадцати двух лет. Однако теперь я взглянул на нее с совершенно другой стороны. Сняв привычную маску, она оказалась девушкой, которой очень важно было внимание окружающих. Трудно описать словами – гораздо лучше видеть собственными глазами. Ее смех, улыбка. Она радостно утопала во внимании к своей персоне. Да черт бы с ними со всеми! Пусть делают что хотят. У меня сейчас совсем другая цель.

Вокруг были только холод и тишина. Над головой, изредка подрагивая, жужжали больничные лампы. Покойный лежал передо мной укрытый до пояса белой простыней, успевшей сменить множество хозяев. Его лицо, как и лица всех мертвецов, чьим вскрытием мне приходилось заниматься, казалось добрым и счастливым. Могло даже показаться, будто он спит, а я пришел, чтобы нарушить его покой, – но он уже никогда не проснется.

Когда-то у него было имя. И если верить документам, его

звали Чарльз Берингем. Чарльз... Хорошее имя. Будь он чуточку удачливее, сейчас наверняка прозябал бы на работе, занимаясь привычными делами.

Я стоял в старом рваном халате, а рядом лежали различные инструменты, бывавшие в употреблении уже не раз. Позади на металлической тележке для трупов лежало тело молодой девушки, которой, как мне кажется, было не более двадцати лет, а в противоположном углу на точно такой же тележке лежал сморщившийся старик с густыми седыми волосами.

Чтобы оставаться в морге спокойным и хладнокровным, необходимо обладать сильным характером. Частенько люди считают врачей циниками, только дело здесь совсем не в этом – нам приходится адаптироваться к той жизни, что мы выбрали для себя, дабы не сойти с ума. К сожалению, я еще не до конца овладел этим искусством. Сколько бы я ни пытался соблюдать присущее врачам спокойствие, внутри меня пробирала дрожь.

Из четырех сердец в морге стучало только одно – мое. Многие врачи, когда я еще учился, говорили: «Если тебе придется делать вскрытие, то отнесись к человеческому телу как к куску мяса, которое необходимо изучить. Отбрось его человеческую сущность».

Но как можно так относиться к тому, кто так же, как и ты, мечтал, любил и страдал? Может быть, со временем я все же смогу изменить свое отношение, но только не сегодня. На-

сколько же отвратительно осознавать, что однажды и ты сам окажешься на столе патологоанатома, который будет резать тебя, чтобы установить точную причину смерти. Ничего не поделаешь. Это наша судьба. Мы все смертны, и рано или поздно наши родные и близкие, стоя возле гроба, будут прощаться с нами.

Соблюдая последовательность аутопсии, я провел наружный осмотр и сделал несколько записей: «Мужчина среднего телосложения. Рост один метр семьдесят четыре сантиметра. Вес около семидесяти пяти килограммов. Выраженное трупное окоченение всех групп мышц. Интенсивный сине-фиолетовый цвет трупных пятен наиболее вероятно указывает на смерть по причине асфиксии. Ярко выраженные синяки в области шеи. Раны, язвы и иные повреждения кожного покрова отсутствуют».

Я взял в руки скальпель, на секунду закрыл глаза и перевел дыхание. Отступать некуда, нужно делать свою работу. Его плоть легко сдалась под напором острой стали, и кожа разошлась в стороны, оголяя застывшие кровь и мясо. Вскрыв грудную полость путем рассечения реберных хрящей, я увидел внутренние органы. В противовес сказанному ранее между селезенкой и желудком не было никаких тайн, которые я мог бы схватить и подставить под лучи света.

Неожиданно мне показалось, будто это я лежу на столе, а другой врач копошится в моем теле, пытаюсь что-то найти. Меня бросило в дрожь. На мгновение лампы погасли, но

этой секунды хватило, чтобы сердце в ужасе замерло.

Спустя какое-то время дело было сделано. Я стоял у раковины и тщательно мыл руки. Тело Чарльза Берингема было надежно спрятано в одной из камер, расположенных вдоль стен.

– Доктор, вы закончили? – послышался голос из-за двери.

– Да, – ответил я, продолжая мыть руки.

Дверь слегка приоткрылась, и в проеме появилась голова полицейского в фуражке. Он внимательно оглядел помещение, но входить не стал. Я успел познакомиться и с ним и его коллегой. Его звали Стив, а тот, что остался наверху, был Роджером.

– Что же вы? Проходите, – предложил я.

– Ну нет, мне и тут неплохо, – делая короткие паузы между словами, заявил Стив. – Честно говоря, не переношу вида покойников.

– Как же вы тогда работаете в полиции? – Я закрыл кран и взял в руки полотенце.

– До сегодняшнего дня мне удавалось избегать столкновения с ними и прочими неприятностями.

– Что вы подразумеваете под «прочими неприятностями»?

– Кровь, драки и всякое такое.

Все понятно: канцелярская крыса, всю свою жизнь посвятившая сидению в участке и разнообразной писанине.

– Доктор, я хотел спросить, когда можно будет получить

копию отчета и узнать, что вы выяснили?

– Подождите еще немного. Я сам к вам приду и все расскажу.

Полицейский кивнул, улыбнулся, и его голова тут же исчезла за дверью. Все эти люди удивляют меня. Если в детстве казалось, будто полицейский – это образцовый гражданин, следящий за тем, чтобы каждый из нас мог спать спокойно, то что можно сказать, видя вот таких людей, как тот, чью голову я лицезрел несколько мгновений назад? Не хватало еще, чтобы в их рядах появились люди, которые, надувая губы, будут заявлять, что никогда не наденут форму полицейского, потому что она им жмет или им не хватает в ней ярких цветов и кружев.

Покончив с отчетом, я снял халат и направился к нашим блюстителям закона. Найти их было нетрудно. Они сидели все там же вместе с медсестрой, только теперь девушка располагалась между ними на диване и наигранно смеялась над каждой шуткой, то и дело прижимаясь к одному из полицейских. Завидев меня, она в ту же секунду вскочила, оправила юбку, будто случайно поднявшуюся слишком высоко, и побежала на свой пост. Полицейские были озадачены столь резкой переменой в ее настроении, но не сказали ни слова, а лишь молча проводили взглядами, полными неприкрытого вожделения.

– Наконец-то, доктор! А то мы и не надеялись вас увидеть, – покачивая головой, сказал полицейский по имени

Роджер.

– Да? – удивился я. – Мне кажется, вам было вполне комфортно и без меня. – Будто нечаянно я взглянул в сторону медсестринского поста.

– Простите, – улыбаясь, сказал Стив, – уж больно у вас здесь хорошие сотрудницы. А вы случайно не в курсе, она действительно собирается расходиться со своим женихом?

– Честно говоря, не имею ни малейшего понятия, да и вряд ли хочу узнавать. Может быть, покончим с нашим делом? – Я протянул Роджеру, сидевшему ближе ко мне, готовый отчет.

Разочарованные моим ответом, полицейские помрачнели. Им действительно гораздо важнее было узнать о медсестре, чем возвращаться к работе.

– Док, если коротко, то почему скончался наш несчастный?

– Причиной смерти послужило сдавливание дыхательных путей, однако он бы и так умер из-за алкогольного отравления. Кроме синяков на шее, на самом теле я больше не нашел никаких повреждений. Но... Исходя из состояния его зубов и горла, алкоголь был влит в него насильно.

– Это вы верно подметили. Рядом с трупом мы нашли осколки зубов, – не отрываясь от отчета, сообщил Роджер.

– Также в желудке я обнаружил две мелкие монеты. Сейчас они находятся в морге, но если нужны вам для расследования, то, конечно, можете их забрать. А вот почему они там

оказались – этот вопрос стоит задать уже вам.

Полицейские переглянулись, словно решая, стоит говорить или нет.

– А зачем вам это, Саймон? – впервые Стив обратился ко мне по имени.

– Интерес. Меня вызвали в выходной день в больницу, чтобы провести вскрытие, и мне кажется, я имею право знать.

Роджер и Стив снова переглянулись.

– Ладно. Думаю, вам можно сказать. Все равно газетчики рано или поздно все узнают, – махнул рукой Роджер. – Рядом с телом Чарльза Берингема мы нашли записку в конверте. Она аккуратно лежала, дожидаясь нас. В ней говорилось: «Две монеты не встанут на пути нового хода вещей».

– Похоже, что он просто задолжал кому-то кругленькую сумму! И его убрали, подстроив так, чтобы мы подумали на нашего серийного маньяка. Правда, судя по рассказам его соседей, он был беден и часто занимал у них деньги. – Стив искренне улыбался, хотя я не видел никаких поводов для радости.

– А в чем логика? – поинтересовался я.

– Какая логика, доктор? Все просто! Он мешал, и его убили.

– То есть, по-вашему, его убили те, кому он должен был деньги. Тогда отсюда вопрос: как получить свои деньги назад, если должник мертв?

Лица моих собеседников стали мрачнее тучи. Сомневаюсь, что они репетировали, но их брови синхронно нависли над глазами, демонстрируя недовольство. Неужели они были настолько глупы, что сами не подумали о такой банальной вещи? Вот и доверяй после этого увальням вроде них защищать наши права и покой.

– Нет, доктор. Вы не правы! Убийцы не настолько умны. – От того, что фраза прозвучала из уст Стива, она показалась мне еще более глупой.

– Конечно! Вскроешь череп, а там пусто! – констатировал я, осознавая полное отсутствие желания продолжать разговор. – А теперь извините, но мне пора.

Не дожидаясь ответа, я пошел в раздевалку, чтобы принять душ и переодеться. Вот же идиоты! Лучше бы честно сказали, что не хотят, чтобы у них висело еще одно нераскрытое убийство. Потому и пытаются свалить все на какого-нибудь беднягу, и дело с концом. Хоть бы немного подумали головой.

Крохотная раздевалка для врачей уже давным-давно пропахла лекарствами и хлоркой, которой уборщица совершенно не жалела, отдраивая здесь все дважды в день.

Я безумно устал. Вроде бы не произошло ничего, что могло заставить чувствовать себя настолько разбитым, однако сил не было, даже чтобы переодеться. Можно вновь свалить свое состояние на хандру, но только это совсем было на нее не похоже. В первую неделю моего пребывания в новом го-

роде все шло довольно неплохо, а затем буквально покати-лось по наклонной. Я вспомнил прошедший день и осознал резкость некоторых суждений, реакцию на слова или поведение людей. Странно. Я ведь никогда не был таким. Обратил бы я внимание на полицейских, флиртующих с медсестрой, скажем, месяц назад? Вряд ли. То есть они, конечно же, оказа-лись бы в поле моего зрения, но уж точно не вызвали по-добного негатива. Что-то определенно грызло меня изнутри.

Приняв душ, я сидел в полном одиночестве и наблюдал за маленькой назойливой мухой: она с бешеной скоростью носилась по всему помещению, то усаживаясь на одну из стен, то вновь взлетая в воздух. Мелкое бессмысленное на-секомое, чья жизнь не имеет ни для кого никакого значе-ния. В какое-то мгновение я почувствовал, что начинаю за-сыпать под мерное жужжание, заполнившее пространство. Я не стал противиться сну и провалился во тьму, где мысли и чувства отступили на задний план, оставив только тишину и проникающий из реальности запах хлорки. Не знаю, как долго длился мой сон, я полностью утратил чувство времени и реальности.

– Доктор, просыпайтесь! Вам просили передать, что будут ждать вас в кафе через дорогу, – разбудил меня мужской го-лос.

От неожиданности я подскочил на месте и огляделся по сторонам. Рядом никого не было, и только входная дверь с легким скрипом закрылась. Голос был совершенно мне

незнаком, но я отчетливо понимал, что он мне не приснился. Сев обратно на скамейку, я уставился в пол и потер глаза. Назойливая муха сидела на краю халата, который я небрежно бросил на стул, и начищала свои лапки. Пожалуй, это был лучший момент для убийства, только мне совсем не хотелось ее убивать, так как в этом не было никакого смысла. Еще несколько секунд я молча смотрел на безмозглое создание и, проявив милосердие, согнал муху рукой.

Переодевшись, я покинул здание больницы и оказался на улице. Осенний ветер гонял по дороге золотые листья. Как-то уж очень быстро в этом году пришла осень. Все вокруг было буквально пропитано ею: воздух, дома, люди. Шелест листвы под ногами дарил радость и покой. На короткое мгновение я превратился в ребенка того самого возраста, когда, бегая в этом золотом ворохе, каждый из нас стремился ногами подбросить вверх как можно больше листьев. Такая мелочь, а столько счастья.

Деревья, росшие вдоль больницы, уже полностью сменили свои цвета, но все еще старались удержать осенние наряды, чтобы не подставлять голые стволы и ветви холодным порывам ветра. Прямо через дорогу от больницы располагалось небольшое уютное кафе в строгом классическом стиле. На вывеске красовалась надпись «Догорающая свеча». Погода была еще достаточно теплой, и на улице работала летняя веранда, в углу которой, стоя на маленькой сцене, на скрипке играл мальчик лет пятнадцати. Я никогда не отличался хо-

рошим слухом и познаниями в музыке и потому с легкостью мог бы спутать классические произведения с местными частушками, но в этот раз я был почти уверен, что мальчик исполнял одно из творений Моцарта. Звуки чарующей музыки разлетались по всей округе.

Я перешел дорогу и остановился. По телу пробежала легкая дрожь. Мне показалось, что кто-то следит за мной. Ощущение заставило осмотреться по сторонам, но я не заметил ничего подозрительного. Люди все так же шли вдоль по улице, погруженные в собственные мысли и проблемы, не обращая на меня никакого внимания. Странное чувство исчезло так же быстро, как и появилось, не оставив следа. Осознав, что несколько минут стою на одном месте, заставляя прохожих обходить себя, я решил все-таки зайти в кафе и узнать, кто меня там ожидает. Садиться на веранде я не решился и прошел внутрь. Теплая приятная атмосфера приняла меня в свои объятия, чтобы я мог ненадолго забыть о мире за пределами кафе. Официант учтиво улыбнулся и проводил меня за столик возле окна. По пути я осмотрел зал, но не заметил ни одного знакомого лица. Перед моими глазами возникло меню, вытянутое официантом откуда-то из-за спины. Я жестом указал на отсутствие необходимости знакомиться с предлагаемыми блюдами и заказал самую большую чашку кофе, какую они смогли бы найти, и дополнительно попросил прибавить крепости напитку. Нет, речь шла вовсе не об алкоголе, а только о кофе. Приняв мой заказ, официант уда-

лился.

Очень многие, как и я, любят сидеть возле окна, смотреть на улицу и следить за другими людьми и погодой. Из дверей больницы появился мой коллега. Его звали Владимир Волков. Судя по рассказам, прекрасный врач и интересный человек, но с не самым легким характером. К сожалению, мне так и не удалось с ним как следует пообщаться. Волков быстро спустился по ступеням и широкими шагами прошел вверх по улице, обматывая шею длинным черным шарфом. Стоило ему исчезнуть из поля зрения, и в голову вновь ворвались мысли о сделанном мною вскрытии. Все-таки интересно, кто и почему убил бедолагу Чарльза Берингема на самом деле. Версия полиции несколько не воодушевляла – здесь должно быть что-то другое. И для маньяка такое убийство совершенно бессмысленно, только если за ним не скрывается что-то более важное, чем просто смерть.

Мне на плечи опустились женские руки, и я услышал знакомый голос:

– Здравствуй, Саймон. Как поживаешь?

Женщина обошла меня и села на стул напротив. Это была Мария, моя соседка.

– Все в порядке, – ответил я, от нервов постукивая пальцами по столу, так как ее сегодня я хотел видеть меньше всего.

Высокая стройная женщина лет тридцати с большими зелеными глазами и длинными черными волосами. Несмотря

на то что она была замужем, ее постоянно тянуло на любовные приключения, невольным участником которых стал и я несколько дней назад. И если говорить абсолютно честно, этот эпизод оказался одним из самых запоминающихся в моей жизни. Наверное, каждый человек встречал на своем пути женщин, подобных Марии. В такую, как она, мужчины влюбляются с первого взгляда и потом сами не могут объяснить, как же так получилось. И только несколько позже до них начинает доходить, что это в первую очередь желание владеть ею, но данный факт нисколько не ослабляет бурю в груди. Впервые я увидел ее на следующий день после своего переезда и не мог оторвать взгляд. Она, конечно же, заметила мой интерес и впоследствии этим воспользовалась. Я думал, что, проснувшись рядом с ней, буду любить ее еще сильнее, но, к своему большому удивлению, открыв утром глаза, я понял, что чувства, пылавшие во мне несколько часов назад, прошли и я не чувствую к Марии ровным счетом ничего. И вот теперь она сидела напротив и с улыбкой на лице внимательно смотрела мне в глаза.

– В порядке? Ты уверен? Такое чувство, что ты чем-то обеспокоен, – томно прикрыв глаза, сообщила Мария.

– На самом деле ничего особенного. Только вышел с работы в свой выходной день. Меня пригнали из дома, чтобы я сделал вскрытие. И вот сидел, обдумывал результаты.

– И что именно не дает тебе покоя? – Она очень любила слушать истории других людей.

– Будь я полицейским, мне бы стоило сказать тебе, что это секретная информация, но ничего секретного в ней в общем-то нет. Мужчину средних лет, чей труп привезли в больницу, убили, и мне хотелось бы знать почему.

– Для чего тебе это, Саймон? – Ее тонкие брови нахмурились, а кончик носа едва заметно опустился вниз.

– Я не понимаю, – покачал я головой, – почему убили этого человека. Самый обычный и простой мужчина. Жил средней жизнью, довольно бедно. И вдруг смерть.

– Ничего удивительного. Люди каждый день причиняют друг другу боль.

Официант принес кофе и поставил большую чашку прямо передо мной. Пар неспешно поднимался вверх, доставляя приятный аромат к рецепторам. Официант хотел было спросить у Марии, что ей принести, но она его опередила: «Благодарю. Ничего». Получив все необходимые ответы, молодой человек удалился.

– Именно этого я и не понимаю. Почему мы вообще калечим друг друга и не можем просто жить в мире?

Закончив фразу, я осознал, что вообще зря ее сказал. Я показал свою слабость, а Мария только и ждала этого. В чем заключается слабость? В том, что, думая о других, совершенно посторонних для меня людях, я испытываю дискомфорт. Использовать слово «страдания» не могу, так как оно не совсем отражает реальное положение вещей. Мария обожала играть на слабостях людей, так как ей нравилось чувство-

вать себя на голову выше своего собеседника. Она громко засмеялась, как будто я сказал что-то глупое и бессмысленное, провела рукой по моей небритой щеке и откинулась на спинку стула.

– Мой дорогой Саймон, я все это уже слышала. Твои мечты об идеальном мире, где никто не будет стоять у других на пути и где все злодеи будут уничтожены, никогда не осуществятся. Ты как ребенок, который хочет взлететь в небо, спрыгнув с крыши. Икар. Может быть, стоит так тебя называть? Люди эгоистичны, и если ты хочешь выжить среди них, то нужно научиться жить ради себя и ни о ком не думать. Ни один человек на земле не пойдет ради тебя на край света.

Ее слова ударили меня будто нож, потому что я никогда не разделял взгляды так называемых реалистов. Они привыкли принимать мир таким, какой он есть. Их не удивляют человеческие пороки, и они считают, что люди не могут стать лучше. Но я с этим не согласен. На мой взгляд, их главная ошибка состоит в том, что они смотрят на жизнь исключительно с позиции своего пройденного пути, тем самым отсекая ее подлинное многообразие.

Мария столь искусно задела меня, что я не смог удержаться и не ответить ей.

– Это ты так думаешь, – возразил я.

– Нет, – она покачала головой и надменно улыбнулась, – это не я так думаю, а так оно и есть. За всю свою жизнь я только пару раз встречала людей, которые были готовы ради

меня на все. И знаешь, кто они? Такие же глупые романтики, как ты. Вы витаете в облаках, верите в великую бесконечную любовь, а на деле в страхе отступаете, когда то, о чем вы говорили, становится реальностью.

– Что ты имеешь в виду? – я совершенно не понял ее последней фразы.

– Понимаешь, романтики живут мечтами, а когда мечта стала реальностью, она оказывается для них слишком скучной. И тогда они находят себе новую мечту.

– Ты ошибаешься. Если ты не встречала по-настоящему хороших людей, то дело в тебе, то есть это ты притягиваешь негодяев, да и сама с радостью падаешь в их объятия.

– Конечно, всегда есть исключения из правил, только это никак не доказывает, что правило неверно.

Мария явно получала удовольствие от нашего разговора.

– Неужели ты сама не понимаешь? – Я оперся локтями об стол, чтобы оказаться ближе к девушке. – Весь твой мир построен на лжи.

– Неужели? – Мария загадочно улыбнулась. – И это говоришь мне ты? Человек, страдающий от того, что реальность отличается от его взглядов?

– Я никогда не смогу согласиться с тобой. Что бы ты ни говорила, однажды мир станет по-настоящему добрым, только, правда, уже без нас. Если же этого не произойдет, потому что мир таков, каким ты его видишь, то рано или поздно люди уничтожат друг друга, – твердым голосом сказал я

и сделал большой глоток кофе, оказавшегося даже слишком крепким.

Я не стал смотреть Марии в глаза, а с деловым видом повернулся обратно к окну. Мне хотелось, чтобы она ушла. Нет. Мне хотелось, чтобы она не приходила вовсе.

Она же, скрестив руки на груди, не отводила от меня взгляд. Ее всегда раздражало, если кто-то вне ее воли прерывал разговор на неудачной ноте. Судя по всему, она не собиралась никуда уходить и ждала, что произойдет дальше. После долгой паузы я все-таки решил прервать молчание.

– Я только не понимаю, для чего ты позвала меня сюда?

– Я? – удивилась Мария. – Саймон, я не звала тебя. Я проходила мимо и случайно увидела тебя заходящим в кафе. И подумала, почему бы не перекинуться парой теплых слов. Но, как вижу, это не очень получилось.

Очень странно. Если не она ждала меня, тогда кто? Я снова оглянулся по сторонам – вокруг, как и прежде, не было ни одного знакомого лица. За соседним столом сидела пожилая пара, о чем-то разговаривая вполголоса, а у барной стойки расположился молодой парень лет восемнадцати и угрюмо смотрел в свой бокал с пивом.

– Саймон, – Мария вернула мое внимание к себе, – я не буду вступать с тобой в долгие бессмысленные споры, это совершенно бесполезно. Однажды ты проснешься в своей квартире в полном одиночестве, без денег и в полной апатии только потому, что всю свою жизнь провел в стремлении

верить в то, чего не существует. – Она встала из-за стола. – Пользуйся тем, что имеешь, и имей то, чем пользуешься. Тогда ты будешь счастлив. Хотя, знаешь, ты ничуть не лучше тех, кого осуждаешь.

– Почему? – спросил я, но она, не ответив, направилась к выходу.

Возможно, стоило догнать ее и потребовать ответа, но я не сдвинулся с места. Не знаю почему, но она неожиданно остановилась и задумалась, опустив голову.

– Со всеми своими рассказами о том, что люди могут быть хорошими, ты становишься лицемером. Ответь на один вопрос, Саймон. Только честно. Ради чего ты приехал работать в этот город, оставив своих близких и все, что тебе было дорого? – спросила Мария.

Она взглянула на меня, улыбнулась и, не дожидаясь ответа, вышла из кафе. Я остался наедине с полупустой чашкой кофе и, глядя на закрывающуюся дверь, тихо сказал: «Из-за денег».

Встреча перед рассветом

Еще слишком рано, чтобы увидеть город во всей его красе, но зато самое время для того, чтобы разглядеть его истинное лицо, скрываемое днем под солнечными лучами, магазинными вывесками и масками прохожих. Мир не таков, каким кажется. Во многом он иллюзорен, и человечеству отчаянно хочется верить в эту иллюзию.

Я стоял под автомобильным мостом, вокруг которого неудачно были понатыканы жилые дома для бедняков и представителей среднего класса. Шум дороги в этой части города не умолкал никогда. Но люди умудрялись привыкнуть к таким условиям жизни, поскольку иного выхода у них не было.

Всю жизнь политики кричат нам: «Важна жизнь каждого человека!»

Библия твердит: «Возлюби ближнего своего, как самого себя».

А что мы имеем по факту? Бесконечное расслоение человеческого общества, где поступки отрицают слова, но это не принято замечать. Оправдывать свои грехи красивыми словами – очень удачная человеческая находка.

Я не случайно оказался под мостом в столь поздний или, если вам так будет угодно, в столь ранний час. И пока я ожидал наступления определенного момента, тьма окутыва-

ла меня с ног до головы, позволяя укрыться от посторонних глаз. Где-то вдали послышался вой бродячей собаки. Он был настолько громким и пронзительным, что казалось, будто она зовет кого-то, чтобы разделить свое одиночество.

Вой отошел на задний план, так как я увидел того, кого ждал. Мужчина, пошатываясь из стороны в сторону, шел к себе домой. Уровень опьянения был настолько велик, что он уже громко разговаривал сам с собой на тему какой-то девицы с глубоким декольте. Я вышел из тени и преградил ему дорогу. Не ожидавший такого поворота событий, мужчина подпрыгнул на месте, но, увидев во мне обычного прохожего, безуспешно попытался взять себя в руки.

– Добрый вечер, молодой человек! – произнес он с большим трудом, съедая половину букв. – Или уже утро?

После последних слов он резко поднял голову к небу в поисках солнца, но, увидев лишь звезды, успокоился и снова перевел взгляд на меня.

– А можно вас кое о чем спросить?

– Можно, – тихо ответил я, внимательно разглядывая своего собеседника.

– Я просто хотел узнать у вас, что вы здесь делаете в столь поздний час. О как! Стихи получились! – воскликнул он, хватаясь за фонарный столб.

– Далеко не поздний, а, наоборот, самый что ни на есть подходящий.

– Ну что же! Тогда успехов вам, а я пойду домой, – про-

бормотал мужчина и пошел дальше, спотыкаясь о собственные ноги.

Всего несколько часов до рассвета. Очень скоро солнце поднимется из-за горизонта и улицы вновь заполнятся людьми. Но пока все еще спят и видят сны о собственных страхах, мечтах и надеждах. Они не знают, что происходит здесь, и никогда не узнают. Огромная часть истории творится ежедневно, пока никто даже не подозревает об этом.

Я подождал пару минут и пошел следом за пьяным мужчиной. Мне не нужно было следить за ним, чтобы узнать, где он живет, я и так это знал. Окружающий мир стал похож на набросок углем на белом полотне, и только впереди перед собой я видел пятно красного цвета, символизирующее биение сердца. Преодолев два десятка ступеней, я очутился перед старой, выдавшей виды деревянной дверью. Его голос звучал у меня в голове. Легкий толчок рукой, и дверь отворилась.

Он стоял возле стола, допивая бутылку. Мое повторное появление заставило его по-настоящему испугаться, отчего он рухнул на пол.

– Как вы тут оказались? Что вам надо? – кричал мужчина, пытаясь отползти подальше от меня.

– Не надо кричать. Все уже решено, – ответил я, продолжая приближаться.

Дрожь сотрясала его тело, и я слышал, как зубы стучат друг о друга. Ему страшно. Это был тот самый страх, что

некоторые люди чувствуют за считанные секунды до смерти. Его дыхание участилось, пульс зашкаливал, а глаза расширились.

– Ты отлично сегодня играл, – заверил его я. – Обчистил всех этих картежников. Но, к сожалению, нам пора прощаться.

На его глазах выступили слезы.

– Ну что ты, Чарли. Возьми себя в руки. Другого пути нет.

Прерванный сон

Иногда мне кажется, что вся моя жизнь – огромная ошибка. словно окружающая реальность – не более чем иллюзия. Эти мысли порой приходят ко мне перед сном. Но как только я засыпаю, страх и сомнения отступают, и тогда я понимаю: в мире есть и другая правда, но моя является единственно верной для такого человека, как я.

Случается, я подолгу не могу уснуть, а затем сон обволакивает тело, подобно лианам в джунглях, и я проваливаюсь куда-то далеко-далеко вниз, во тьму. Проваливаюсь туда, где нет места ни единому лучику света. Я падаю на что-то мягкое и долго привыкаю к густой вязкой тьме, заполнившей собой все пространство. Постепенно глаза начинают привыкать к темноте. Я понимаю, что упал на чью-то огромную ладонь. И тут появляется страх, что великан раздавит меня, как муху, но этого не происходит. Владелец огромной руки бережно опускает меня на землю. Я изо всех сил вглядываюсь ввысь, пытаюсь разглядеть его лицо, но оно скрыто в тумане. Тогда я бегу со всех ног по узкой дороге, вдоль которой стоят все те, кого мне посчастливилось встретить на жизненном пути.

Дорога заканчивается обрывом, но это не останавливает меня, и я падаю вновь. Все повторяется сначала.

Каждый раз я просыпаюсь в холодном поту и подолгу лежу, глядя в потолок. Наверное, меня мучает совесть, которая

напоминает о том, что я бросил родных или не смог помочь многим пациентам из-за своей слабости и нерешительности.

В этой жизни можно исправить многое, но только не то, что осталось далеко в прошлом. Оно будет терзать душу снова и снова до самой смерти, пока земля не приютит страдающее сердце. Некоторые люди умеют прощать себя и других. С одной стороны, это великое достоинство, но с другой – недостаток, так как они слишком поверхностно относятся ко многим вещам.

Безумные сюжеты наших снов, порождаемые подсознанием, отражают все, что творится в душе человека. Иногда во сне мы можем увидеть будущее, с которым нам предстоит столкнуться, хотя многие в это и не верят.

Несколько раз в жизни я просыпался с чувством, будто вижу чужие сны, предназначавшиеся не мне, а какому-то другому человеку. Но, возможно, это лишь иллюзия.

В этот раз я даже не помнил, как заснул. После встречи с Марией в кафе стоило поехать домой и отдохнуть, однако я вернулся в больницу, где успел принять нескольких пациентов. Все-таки работа хорошо помогает отвлечься от неприятных мыслей и немного расслабиться. Под вечер, когда я вышел на улицу и понял, что из источников света остались только фонари и горящие окна, появилось желание как следует напиться. Чтобы сомнения не подкосили столь неожиданный порыв, я потеплее укутался в пальто и быстрыми шагами направился в бар, находившийся в конце улицы. Что

было дальше? Все, что я могу вспомнить из происходившего в баре, ограничивается пятой или, может быть, седьмой рюмкой русской водки.

Как долго я пробыл в баре? Сколько еще успел выпить? Как добрался домой? Ответы на эти вопросы растворились в крови, смешанной с алкоголем.

Однако я прекрасно помню сон, который увидел ночью.

Я оказался на какой-то городской площади среди бушующей толпы. Если исходить из внешнего вида людей и зданий, дело происходило в начале двадцатого века. Народ кричал и размахивал руками. Брызгая слюной, люди отчаянно требовали немедленно казнить каких-то «ублюдков». У каждого из них в глазах было столько ярости, что на секунду мне показалось, будто бы это вовсе и не люди.

Тем временем на трибуну, расположенную в центре площади, в сопровождении охраны поднялся человек в строгом костюме, цилиндре и белых перчатках. Кивком головы он позволил своей охране отойти подальше, а затем с радостной улыбкой оглядел собравшуюся толпу. В нем соединялись отталкивающие черты напыщенного магната и важного политика. Вдоволь налюбовавшись на беснующийся народ, он достал из кармана монокль и сложенный в несколько раз лист бумаги. Толпа разом замерла – на площади воцарилась тишина. Тысячи глаз устремились в сторону мужчины, стоявшего на трибуне и неспешно разворачивавшего

загадочный листок.

– Приказ номер двадцать три! – его громкий голос пронесся над городом. – В связи с требованием народа казнить тех, кто ворует урожай, тормозит развитие нашего общества, оскорбляет ближних своих, встает на пути чужого счастья, не подчиняется справедливым законам, советом города было принято решение удовлетворить пожелания людей! Завтра на рассвете все жители без исключения будут расстреляны на городской площади! Просьба ко всем явиться в назначенный час и не опаздывать.

Толпа начала ликовать. Все были счастливы. Откуда-то раздался звук оркестра, высоко в небо взмыли десятки фейерверков, а на самой площади появилось множество праздничных столов, уставленных едой и напитками.

Помню, как я зажмурился так сильно, как только мог. Мне хотелось оказаться где-нибудь в другом месте, подальше от этого безумия, но у меня ничего не вышло. Когда я открыл глаза, то увидел площадь, усеянную трупами. Мертвые изувеченные тела были повсюду, но у каждого из них на лице застыла улыбка. Кровь лилась по улицам ручьем.

– Вот так вот. Вот и чудесно, – услышал я голос позади себя.

Обернувшись, я увидел того самого мужчину в цилиндре и с моноклем. Он стоял возле дымящегося английского пулемета «Виккерс» и потирал руки. Перчатки, перепачканные маслом, утратили былую белизну, но это его нисколько не

смущало.

– Вот почти все и готово. Он-он-он! Вот почти все и готово, – напевал он, пританцовывая. Не успел я и глазом моргнуть, как из внутреннего кармана пиджака мужчина извлек блестящий револьвер и с размаху, выбив себе зубы, засунул дуло в рот. Кровь хлынула по его лицу, а он сам разразился безумным хохотом. Спустя секунду его палец нажал на курок. Выстрел практически целиком разорвал голову несчастного, но обезглавленное тело и не думало падать, а его хохот все еще продолжал летать над городом.

– Мы творцы собственной смерти, – с горечью подумал я.

– Саймон, пора вставать! Ты просил разбудить тебя, – сквозь сон услышал я чей-то писклявый голос. – Саймон, просыпайся же в конце концов!

Я нехотя открыл глаза. В голове жутко гудело. Изучив старый обшарпанный потолок, я снова закрыл глаза и начал проваливаться в сон. Но кто-то решил растормошить меня.

– Отстань! Что тебе нужно? – не узнавая собственного голоса, воспротивился я.

– Ты просил тебя разбудить!

Сон рассеялся. Я снова открыл глаза и увидел обнаженную девушку, сидящую прямо на мне. У нее были короткие светлые волосы и ярко-голубые глаза. Попытавшись вспомнить, кто она такая, я наткнулся на стену, выстроенную алкогольным опьянением.

– А кто ты? – поинтересовался я.

– Как кто? – воскликнула она тоненьким голоском. – Я Лилия! Ты что, не помнишь меня?

Я зажмурился и помотал головой.

– Лилия, я себя-то сейчас с трудом помню.

Девушка недовольно ударила меня в грудь и поспешила слезть с кровати. Освободившись от ее веса, я с трудом поднялся, осмотрел комнату, ощущая сильную головную боль, и пошел в ванную в надежде привести себя в порядок. Сколько же я вчера выпил, что меня так бросает из стороны в сторону? В зеркале я увидел небритое опухшее лицо с мешками под глазами.

– Послушай, Линда, а что вчера было? – крикнул я и пожалел об этом, так как мозг в черепе буквально завибрировал от ужаса.

– Я – Лилия, а не Линда!

– Да хоть Сюзанна, – прошептал я. – Ты мне лучше расскажи, что произошло?

Мне нужно было скорее умыться, побриться и попытаться хотя бы немного придать человеческий вид физиономии. Сегодня нужно было быть в больнице в пять утра. Не знаю, зачем так рано, но приказ главврача есть приказ.

Нащупав над раковиной небольшую аптечку, я достал сильное обезболивающее и принял сразу две таблетки. Если повезет, через несколько минут должно подействовать.

Позади возникла Лилия. Я взглянул на нее через зеркало

и снова спросил:

– Так что вчера было?

– Мы познакомились с тобой в баре, много танцевали, а потом ты пригласил меня к себе домой. Вот и все, – обиженно ответила девушка.

– Я много танцевал?

– Да, а что в этом такого?

– Нет, ничего. Все в порядке.

Черта с два! До какого же состояния я должен был напиться, чтобы начать танцевать? Последний раз такое случилось со мной года три назад. Но тогда, если судить по рассказам друзей... Нет-нет! Не стоит это вспоминать, а то мне опять будет плохо.

Я оценивающим взглядом оглядел Лилию и подумал: хорошо хоть, когда я пьяный в стельку, у меня не отключается чувство прекрасного. Она действительно была красива, особенно в сравнении с медузами, которых я вчера видел, когда только добрался до бара.

– Послушай, Саймон, а можно мне остаться у тебя до вечера? Ты же все равно будешь на работе, а я высплюсь, потом приготовлю вкусный ужин. – Лилия взглянула на меня глазами наивного ребенка.

– погоди, – вдруг осенило меня, – а сколько тебе лет?

– Не важно.

– Нет, как раз важно.

– Мне уже шестнадцать, – с гордостью заявила она, а у

меня тем временем подкосились ноги.

Вкус меня и правда не подвел, однако, видимо, нравственность вчера уснула глубоким сном. Честно говоря, она не выглядела на шестнадцать – минимум на восемнадцать. Хотя, возможно, это я просто стараюсь себя успокоить.

– И как же родители отпустили тебя в такое место?

– Они об этом ничегошеньки не знают и не узнают.

– Ну прям камень с души свалился, – саркастично заметил я. – Думаю, тебе лучше поехать домой.

Она изо всех сил обняла мое ослабшее тело и заныла:

– Пожалуйста, пожалуйста, я уйду вечером! Обещаю!

С большим трудом я сумел вырваться из ее объятий и вернулся в комнату.

– Нет. Вечером начнешь умолять меня, чтобы я разрешил остаться до завтра. Сейчас тебе нужно ехать домой. Точка. Родители наверняка волнуются. А потом, – я решил слегка слукавить, – мы как-нибудь обязательно с тобой встретимся...

Мне было не суждено закончить фразу, так как раздался сильный стук в дверь, причем настолько сильный, что петли закрипели, будто вот-вот оторвутся.

– Саймон, вы дома? Срочно нужна ваша помощь! Саймон, просыпайтесь! – послышался взволнованный голос Антонио.

Как только я открыл дверь, Лилия, схватив свои вещи, моментально исчезла в ванной. На пороге стояли мой сосед в

одном халате и молодая девушка, которую звали Сильвией. Судя по рассказам Антонио, она была племянницей старика Жан-Луи, что жил этажом выше. Несколько месяцев назад после смерти родителей она переехала к нему, дабы найти утешение.

– Как хорошо, что вы не спите. Пойдемте скорее! Старику совсем плохо, – сказал Антонио и потянул меня за рукав.

– Одну секунду! – Я схватил чемодан, рубашку и последовал за Антонио.

В какое-то мгновение, когда мы поднимались по лестнице, я вспомнил о Лилии, спрятавшейся в ванной, и подумал, как было бы хорошо, если бы она ушла, пока меня нет дома.

Непрерывный круговорот времени, или Не забывая, забывай

Очутившись на верхнем этаже, я увидел длинный коридор, точь-в-точь похожий на все остальные в доме. Освещаемый уличными фонарями, которые с минуты на минуту из-за приближающегося рассвета должны были погаснуть, он казался мрачным и загадочным. Не говоря ни слова, мы прошли по коридору до самого конца, оставляя позади себя множество дверей, и зашли в последнюю из них.

Сильвия взяла меня под руку и через прихожую провела в большую комнату, где повсюду были разложены книги. Словно стены замка, они преграждали нам путь, но мы умело маневрировали между ними и в итоге остановились. Возле окна стояла довоенная металлическая кровать, на которой лежал пожилой мужчина и тяжело дышал. Комната буквально тонула в его хрипах.

Я подошел ближе и взглянул ему в глаза. Это были пустые выцветшие глаза, не отражавшие ничего, кроме неотвратимой смерти. Он слегка улыбнулся, будто был рад меня видеть, и в ту же секунду перестал дышать.

В мгновение ока на одних только рефлексах я бросился спасать жизнь старика, но что бы я ни делал, все было тщетно. Долгие годы, проведенные в медицинском институте, были не способны помочь оживить того, чей час уже пробил.

Его сердце остановилось, и остановилось навсегда.

Все было кончено – еще одна жизнь покинула землю.

Мы втроем стояли возле кровати Жан-Луи, опустив головы. Все, что теперь оставалось, – это смириться и надеяться, что в другом мире у него все будет хорошо. Сильвия тихонько всхлипывала, а Антонио напоминал неподвижный памятник. Я взял старый плед, лежавший на кресле, и накрыл тело Жан-Луи.

Терять близких – это одно из самых страшных испытаний, которые по воле судьбы приходится переживать людям. Может быть, это прозвучит глупо, но, мне кажется, умирать самому гораздо легче, чем видеть, как умирает дорогой тебе человек, а ты осознаешь, что ничем не можешь ему помочь.

Антонио вывел Сильвию из комнаты, и я остался один на один с умершим. Я не знал Жан-Луи, даже не представлял, чем он занимался и каким человеком был, но, находясь в его квартире, испытывал странное чувство защищенности, мне было здесь удивительно спокойно. Понимая, что впереди меня ждет много дел, я, изо всех сил стараясь не шуметь, тихонько вышел из комнаты. Не знаю почему. Возможно, боялся разбудить покойника.

Посреди прихожей, прижимая к груди Сильвию, стоял Антонио. Она не плакала – не было сил. Прошедший год ее жизни был наполнен смертью. Все началось с матери: не почувствовав боли, она тихо и спокойно ушла во сне. Но это стало настоящей трагедией для Сильвии и ее отца. И если

девушка еще как-то держалась, убеждая себя, что мама прожила счастливую жизнь, полную смысла и радости, то ее отец медленно сходил с ума. Он не находил себе места и постоянно мысленно возвращался к смерти жены, пытаясь понять, мог ли он что-нибудь сделать, чтобы спасти ее. Когда через несколько месяцев он умер на кухне от сердечного приступа, Сильвия знала, что дело было не в возрасте. Отец просто не смог жить дальше без своей любимой. В тот день в душе Сильвии что-то надломилось, и потому после похорон она решила покинуть родной дом, чтобы попытаться начать жизнь с чистого листа. Первое время так оно и было, но затем Жан-Луи становилось все хуже и хуже. За ее плечами были долгие дни, посвященные бессмысленной борьбе с болезнью дяди. Сможет ли она пережить все это? Время покажет. Порой мы встречаем таких людей на улице, но даже не подозреваем о войнах, что им приходится вести. Они остаются для нас самыми обыкновенными прохожими, чьи лица мгновенно стираются из памяти.

Сильвия украдкой взглянула на меня и снова уткнулась в широкую грудь Антонио.

– Я пойду уложу Сильвию у себя. Вы не могли бы... Ну, понимаете... – нерешительно попытался выразить мысль мой сосед.

– Да, понимаю. Не волнуйтесь.

Я достал из чемодана баночку со снотворным и незаметно положил ее в карман Антонио. Он благодарно кивнул и

вместе с девушкой покинул квартиру.

Что теперь? Теперь любая тоска и печаль должны умерить свой пыл. Для таких случаев у нас был стандартный набор процедур: позвонить в больницу, заказать машину, поехать вместе с телом в морг, провести вскрытие и составить заключение о смерти. С вскрытием, конечно, можно было бы не торопиться, но лучше все сделать сегодня.

Я поднял трубку телефонного аппарата и набрал номер оператора.

– Алло, я вас слушаю, – раздался голос девушки на другом конце провода. – Алло!

Я молчал. Неожиданно нахлынуло уже знакомое чувство, будто в квартире есть кто-то еще. Кто-то живой. Мне казалось, что он наблюдает за мной, за каждым шагом, каждым движением. Я посмотрел в зеркало: сквозь него на меня смотрело чужое, незнакомое лицо. Человек, не отрываясь, смотрел мне прямо в глаза. Я застыл, но в ту же секунду застыл и он. Это было мое собственное отражение, искаженное, словно в кривом зеркале.

– Алло, алло, меня кто-нибудь слышит? – не унималась оператор.

– Да, алло.

– Наконец-то, а то я подумала, что вы там все умерли!

– Не все. Извините, что долго не отвечал. Говорит доктор Саймон Брис. Пожалуйста, соедините меня с больницей.

– О Господи! – воскликнула девушка и уже через секунду

переключила линию, пытаясь избежать дальнейшего разговора.

Долгое время никто не отвечал, и я, ожидая ответа, рассматривал вещи, находившиеся в прихожей. Мое внимание привлекла очень старая книга с ветхим переплетом. Это была «Божественная комедия» Данте Алигьере лондонского издания 1802 года.

– Алло, больница, – из трубки прозвучал сиплый мужской голос.

– Доброе утро, говорит доктор Саймон Брис. Мне необходимо, чтобы вы прислали машину за телом.

– По какому адресу? – голос ничуть не изменился, так как его владельцу, очевидно, было не привыкать к таким ситуациям.

– Вторая Парковая улица, дом двенадцать.

– Хорошо, ожидайте в течение сорока минут.

– Спасибо, – ответил я и повесил трубку.

Старое издание «Комедии» с самого начала разговора было у меня в руках. Теперь я мог спокойно его изучить. Открыв книгу на первой попавшейся странице, я наткнулся на маленький листок бумаги, сложенный пополам. Видимо, это была закладка и именно здесь остановился Жан-Луи, когда в последний раз перечитывал творение Данте: Девятый круг ада, ледяное озеро Коцит, где на поясе Каина страдали предатели родных.

Мне довелось прочитать эту книгу пару лет назад. Тогда

она поглотила мое внимание целиком, и я долго не мог думать ни о чем, кроме нее. Создавая «Божественную комедию», Данте несколько отошел от первоисточников, однако я все равно полностью поверил в описанный им мир.

Маленькая закладка соскользнула с ветхой бумаги и упала на пол. Я присел на корточки и поднял ее, развернул сложенный листок. Вместо каких-нибудь заметок старика перед моим взором предстала одна-единственная фраза: «Сожалею о Жан-Луи, но его время пришло».

Бессмыслица! Как такое возможно? Почему записка лежала именно в этой книге и именно на этой странице? Я с такой уверенностью взял «Комедию», будто знал, что мне нужна именно она. Подобные совпадения невозможны. Значит, кто-то специально вложил туда листок. Последние несколько дней мне кажется, что я схожу с ума. Я судорожно положил записку между страницами и вернул книгу на ее законное место.

Входная дверь отворилась, и на пороге возник Антонио с бутылкой виски и тетрадь в руках. Он казался совершенно опустошенным.

– Знаете, доктор, трудно поверить, что его больше нет. Это могло случиться раньше, но тогда и времени было намного больше – доктор, который жил здесь до вас, успел ему помочь. Жан-Луи так часто говорил о смерти, что мы перестали верить в то, что этот день однажды настанет. Даже сейчас мне все кажется дурным сном, очнувшись от которого я

пойму, что Жан-Луи просто спит, а утром вновь как ни в чем не бывало усядется в свое кресло-качалку и будет наблюдать за прохожими.

Пройдя мимо меня, Антонио в поисках чистых кружек исчез на кухне. Я вернулся в комнату и сел в кресло, стоявшее рядом с кроватью, где покоилось тело. Тишина, изредка прерываемая писком комаров, завладела этим миром. Я не был знаком с Жан-Луи, но с каждой секундой нахождения в его квартире мне все больше чудилось, будто мы знали друг друга целую вечность.

На прикроватной тумбочке располагалось несколько фотографий. На одной из них был сам Жан-Луи, державший на руках маленькую девочку. На обратной стороне было написано: «Жан-Луи и Мэри. 1952 год». Как рассказывал мне Антонио, Мэри была дочерью Жан-Луи и сейчас вместе со своей матерью жила за океаном. Он сам решил, что для дочери так будет лучше. Пожалуй, это один из тех случаев, когда сердце и разум говорят диаметрально противоположное. И чаще всего, посадив душевные терзания на цепь, правильнее будет послушать именно разум, так как он гораздо объективнее любых эмоций. Так и поступил старик Жан-Луи.

Антонио вернулся с кухни, держа в руках две кружки, наполненные виски. Одну из них он протянул мне. После неизвестного количества потребленного алкоголя, почти бессонной ночи и двух обезболивающих пить виски было бы крайне глупо, но отказаться я не мог. «Так можно и алкоголиком

стать», – промелькнула в голове мысль. Мы до дна осушили наши кружки.

– Вам, доктор, приходится сталкиваться со смертью намного чаще, чем мне, и вы наверняка уже привыкли к тому, что каждый из нас рано или поздно умрет, – сказал Антонио, все еще морщась от горечи во рту.

– На самом деле нет. К этому нельзя привыкнуть, можно только смириться.

– А я вот не могу смириться. По мне, это так несправедливо и бессмысленно, что каждый раз, когда я слышу о смерти, во мне что-то обрывается. Будто перетянутая гитарная струна. Правда, не знаю, как много их еще осталось в моей душе. Знаете, когда он перестал дышать, я вспомнил события давно минувших дней. Я ведь не рассказывал вам о враче, который жил здесь до вас?

– Нет. Вы только иногда упоминали его. – Я несколько раз замечал, как, начиная говорить о нем, Антонио то менял тему, то старался не вдаваться в подробности.

– Тогда, думаю, вам стоит рассказать, хотя домовладелец просил этого не делать.

– Почему? – удивился я, постепенно чувствуя, как начинает действовать смесь алкоголя и анальгетиков.

– Он боится, что больше никому не сможет сдать квартиру.

Я поднялся с кресла и, потягиваясь и зевая, прошелся по комнате – тяжелый будет сегодня день, очень тяжелый.

– Его звали Майкл Лоурен. Вместе со своей женой Лизой он жил там, где сейчас живете вы. – Голос Антонио казался медленным и расслабленным. – Хороший был парень: добрый, веселый, искренний и, к моему большому удивлению, с очень сильным характером. Правда, друзьями мы с ним так и не стали. Если с вами, Саймон, мне удалось найти общий язык и темы для разговоров, то с Майклом, к сожалению, не получилось.

Антонио замолчал, уставившись в пустоту. Что с ним произошло? Он просто на мгновение отключился от реальности и в своих воспоминаниях вернулся в прошлое.

– И что с ним случилось? – спросил я, возвращая Антонио обратно.

– Он покончил с собой в ноябре пятьдесят второго года. Прыгнул с обрыва и разбился о скалы. Тело было так сильно изуродовано, что пришлось хоронить его в закрытом гробу. Вопросы касательно самих похорон решали я и ваш коллега Владимир Волков, но Владимиру было гораздо тяжелее. Он зачем-то взвалил на себя ношу по проведению всех медицинских процедур перед захоронением.

– А что в этом такого? Он же врач, – невольно удивился я.

– Майкл был его лучшим другом. – Антонио плеснул себе в кружку еще виски. – Я не пытаюсь оправдать самоубийство, но вы не должны думать, что у него не было причин покончить с собой. Вечером за несколько часов до трагедии я столкнулся с Майклом в коридоре. На нем не было лица.

Я поинтересовался, чем он встревожен, и он рассказал мне о смерти отца. Не успел я никак отреагировать, как он уже исчез за своей дверью. Той же ночью, когда Майкл, видимо, вышел пройтись, кто-то ворвался в его квартиру и убил Лизу. Спустя два часа Майкл Лоурен стоял на краю обрыва и смотрел на бушующее море. Его случайно заметила женщина, оказавшаяся в том же самом месте. Она окликнула его, Майкл обернулся, широко расставил руки в стороны и прыгнул вниз.

Я молчал, не зная, что сказать. В словах не было никакой необходимости. Выхватив бутылку из рук Антонио, я сделал несколько глотков прямо из горла.

– Я даже не мог предположить... – начал я.

– Неудивительно, Саймон. Представьте, каково мне было проснуться утром и узнать от полицейских, опрашивавших жильцов дома, что произошло всего в нескольких метрах от меня. – Антонио взял в руки тетрадь, лежавшую рядом с ним. – У меня остался дневник Майкла. Точно уже не помню, как он попал ко мне, но здесь есть запись о том, как он приходил к Жан-Луи, когда старику было плохо.

– А какая последняя запись?

– Сразу после того, как Майкл нашел Лизу мертвой. Я тут подумал, доктор, и решил, что хочу отдать дневник вам. Последние четыре года я постоянно его перечитывал, но этот груз для меня слишком тяжелый, я больше не могу его хранить.

– Почему именно мне?

– Не знаю, – пожал плечами Антонио. – Может быть, он будет вам полезен. Правда, перед этим я хотел бы прочесть вам запись о событиях того утра, когда мы были с Майклом у Жан-Луи.

21 октября 1952 года

Сегодня утром я собирался идти к своему очередному пациенту, как вдруг в дверях появилась стройная женщина, державшая за руку маленькую девочку. Вначале я ее даже не узнал. Это была Франческа – жена Жан-Луи, а маленькая девочка – их дочь. Она попросила меня заглянуть к ним, так как, по ее словам, старику было очень плохо.

В квартире Жан-Луи я повстречал Антонио, несмотря на ранний час допивавшего очередную бутылку вина. Стоит заставить его пройти полный осмотр, а то с таким количеством потребляемого алкоголя с ним может произойти все что угодно.

Жан-Луи, как всегда, сидел в своем кресле и дописывал очередную историю, которую он придумал для новой детской книги.

– Доброе утро, как вы себя чувствуете? – поинтересовался я.

Франческа села на кровать, а Мэри подбежала к отцу и уселась на маленькую табуретку напротив него.

– Доброе, доброе, Майкл. Опять сердце не дает мне покоя.

С самого вечера ноет, а утром так вообще начало колоть.

– А ваши лекарства? Вы их принимаете?

Жан-Луи тяжело вздохнул, посмотрел на Мэри и провел рукой по волосам девочки, а после обратился к своей жене: «Франческа, пожалуйста, не могла бы ты сделать нам с доктором чаю?»

Франческа кивнула и удалилась на кухню. Она всегда напоминала мне розу: такая же красивая и опасная из-за своих шипов. Большую часть жизни я боялся таких, как она, но сегодня впервые увидел, что на самом деле ее шипы всего лишь средство защиты, без которого она станет слабой и беспомощной. Мэри хихикнула и убежала за матерью. Удивительно, насколько сильно девочка не была похожа на свою мать.

Антонио, о присутствии которого я успел забыть, прикрыл дверь в комнату и вернулся обратно на диван.

– Майкл, лекарства мне уже не помогают. И болит у меня совсем по другой причине, – сказал мне тогда Жан-Луи.

– Что вы имеете в виду? – спросил я, а сам достал ипприц и ампулу с лекарством.

– Дело в том, – старик грустно улыбнулся, – что мы с Франческой разводимся. Мэри останется с ней. Я сам так хочу. Весь прошедший год мы только и делали, что ругались. Пора положить этому конец.

Говорить о том, что все будет хорошо, все обойдется, не имело смысла – старик все знал и без меня. Я осмотрел

его, измерил давление и пульс. Потом мне пришлось спорить с Жан-Луи на тему укола, но в итоге мое упрямство взяло верх.

– Со здоровьем все будет хорошо, только вам нужно продолжать пить лекарства, а еще я буду заходить к вам дважды в день и делать уколы, – предупредил его я.

Благодарно кивнув, старик поднялся с кресла и, тихонько шаркая по полу, подошел к письменному столу. На нем всегда лежали сотни исписанных бумаг, хранивших бесчисленное множество сказочных историй. В комнату зашла Франческа с подносом, на котором стояли до блеска начищенный серебряный чайник и три фарфоровые чашечки. Она поставила поднос на тумбочку и обратилась ко мне: «Мы с Мэри пойдем на рынок. Что-нибудь нужно купить?»

– Да, – подтвердил я, написав на листке список лекарств, и протянул ей. – Купите, пожалуйста, вот эти лекарства. Каждое из них необходимо принимать три раза в день. И прошу вас, проследите, чтобы Жан-Луи не забывал об этом.

Франческа взяла листок у меня из рук, но не сказала ни слова – она всегда была немногословна. На пороге комнаты в осеннем пальто и бардовом берете стояла Мэри. Франческа взяла дочь за руку и вместе с ней вышла из квартиры.

Жан-Луи продолжал рыться в бумагах, а Антонио сидел и пил чай маленькими глоточками. Я обвел комнату взглядом, тяжело вздохнул и решил, что пора бежать.

– Жан-Луи, прошу прощения, но нужно спешить. Пациенты ждут.

Старик повернулся ко мне, тщетно пытаясь разглядить несколько измятых листов, что он держал в руках.

– Майкл, не могли бы вы уделить мне еще несколько минут? Я хочу кое-что вам прочесть. Думаю, Антонио тоже будет интересно.

– Конечно, – коротко ответил я и взглянул на Антонио. Наши взгляды на мгновение встретились, но он поспешил отвернуться.

– Поначалу я думал отправить это стихотворение в какую-нибудь газетенку, но потом решил этого не делать. Я не поэт, да и написано оно достаточно коряво и просто, – старик засмеялся и тут же закашлялся.

Буду честен: стихотворение мне понравилось. Да, кто-то наверняка скажет, что оно плохое и слабое, кто-то начнет тыкать в количество слогов в строчке или ритм, а кто-то будет кричать о глагольных рифмах, но ведь в действительности все это не важно. На мой взгляд, люди капризны. Они пытаются систематизировать поэзию, не созданную для этого. Самое главное здесь – сама мысль и то, что идет она от чистого сердца, а не от разума, стремящегося навести везде свои порядки.

Я попросил Жан-Луи дать мне переписать его стихотворение. И теперь с большим удовольствием могу добавить его в свой дневник.

*Почему, если крылья даны нам с небес,
Их тиранам за деньги готовы отдать?
Почему, когда осенью плачет наш лес,
Кровь его мы бросаем на водную гладь?*

*Мы терзаем себя и терзаем других,
Не пытаюсь спасти, лишь жалея себя.
А в сплетении судеб, как время, густых
Мы боимся во благо коснуться огня.*

*Если смертью возможно спасти целый мир,
Значит, стоит рискнуть, значит, нужно идти.
И под грустную музыку сказочных лир
Все же стоит упасть нам в объятия тьмы.*

*Ради жизни и света на этой земле
Свою душу и сердце навеки отдать,
Чтобы солнце спешило на смену луне,
Чтоб хотелось о счастье на крыше мечтать.*

Прочитав стихотворение, Жан-Луи хотел услышать наше с Антонио мнение. Я честно сказал, что оно мне понравилось. Старик обрадовался, и на его лице засияла улыбка.
– Антонио, а что ты скажешь? – поинтересовался Жан-Луи у моего соседа.

– Мне тоже очень понравилось, но я никогда не мог предположить, что ты возьмешься за поэзию.

– И такое бывает, – констатировал Жан-Луи. – Спасибо, мой друг. И вам большое спасибо, Майкл. Извините, что задержал.

– Это того стоило, – заверил я старика и пожал ему руку.

Когда я спустился на первый этаж и услышал музыку, раздающуюся из квартиры Лилит, то подумал о том, что я не в силах помочь Жан-Луи. Я действительно могу залечить рану, но только на теле. А чтобы вылечить душу, на земле нет ни одного лекарства. Вопрос здесь состоит в том, захочет ли сам человек, чтобы его рана затянулась, и сможет ли он простить себя и других.

С улицы раздались гудки автомобиля. Я выглянул в окно и увидел молодого парня в белом халате, стоявшего возле больницы машины. Они наверняка разбудили соседей, но я сам виноват: не назвал номер квартиры. Открыв окно, я высунулся по пояс и пальцами показал нужный номер. Парень постучал в боковое стекло машины, и из нее вылез его напарник. Из багажника они достали носилки и, больше не обращая на меня никакого внимания, ринулись в дом. Мне было не по себе. Пока Антонио читал запись из дневника Майкла Лоурена, я будто сам оказался там, а теперь резко вернулся назад. Антонио закрыл тетрадь и протянул мне:

– Прощу вас, доктор, оставьте ее у себя.

– Спасибо. Простите, Антонио, пора ехать.

– Конечно, – только и сказал он, скрывшись за дверью кухни вместе с початой бутылкой виски.

Странно. Хоть в дневнике Майкла почти ничего и не говорилось про Антонио, однако я почувствовал, насколько молодым он был тогда и кем стал теперь, а ведь прошло всего несколько лет.

В квартиру влетели двое санитаров. Мы аккуратно уложили тело Жан-Луи на носилки и спустили его вниз. Когда я придерживал входную дверь в подъезд, чтобы они могли спокойно пройти, то услышал грустную мелодию, доносящуюся из квартиры Лилит, о которой писал Майкл.

С тех пор как я приехал в этот город, меня окружает множество событий, что так или иначе связаны непосредственно со мной, но я никак не могу понять почему.

Прощай

- Кто я, по-твоему? Добро или зло? – спросил я, прекрасно зная ответ.
- Ты ни то ни другое. Ты тот, кого не должно существовать в обществе, где все хорошо. Ты порождение этого мира и сочетаешь в себе многие качества, но одно из них самое важное. Если быть честным, то мне очень жаль, что такая судьба выпала именно тебе. Хотя вроде бы мы уже говорили об этом.
- Да, говорили. Тебе не кажется, что в последнее время мы слишком часто разговариваем на философские темы?
- А разве ты приходишь сюда не для этого?
- Пожалуй. К сожалению, с каждым днем я стараюсь копнуть как можно глубже и понять как можно больше. И все для того, чтобы найти оправдание самому себе. Давай поговорим о чем-нибудь другом.
- Давай. О чем пожелаешь.
- Лучше расскажи, как ты поживаешь, а самое главное, что нового родилось в твоей голове?
- Ничего. Я больше ничего не могу придумать. Пытался. Множество раз садился за стол, клал перед собой лист бумаги, а в итоге он оставался белым. Я не только не могу ничего придумать, но некоторые вещи даже вспоминаю с огромным трудом. И все, что мне осталось, – это наблюдать за людьми

через окно. У каждого из них своя жизнь, своя судьба. Они хоть еще и не подозревают, но многим предстоит встретиться друг с другом, а кому-то предначертано встретиться с тобой.

– Я был бы рад остановиться, но не могу. Иногда, чтобы больше не испытывать боль, мне хочется бросить все и уехать туда, где нет ни одной живой души.

– В таком случае намного проще покончить с собой. Или ты все еще надеешься попасть в рай?

– В рай не хочу и в ад не хочу. Я хочу туда, где тихо.

– Я думаю, что для тебя так все и будет. Невозможно вечно страдать или быть счастливым, иначе просто не с чем будет сравнивать. Счастье с горем потеряют свои цвета, а тогда какой в них вообще смысл, если нельзя определить разницу?

– И снова мы вернулись к философии.

В комнате воцарилась тишина. Слабый свет с улицы стелился по полу серебристым ковром, а ледяной ветер, ударяясь об окно, продолжал скользить вдоль дома. Я стоял возле окна и смотрел на огромную луну, висевшую над городом.

– Что-то давно не было дождя, – задумчиво сказал я.

– Скоро его будет так много, что, скорее всего, придется путешествовать по улицам на лодках! – воскликнул старик и рассмеялся.

– Ну конечно! Ты еще скажи, что кто-то будет летать на воздушных шарах, чтобы добраться до работы.

– Вполне возможно. Почему нет? Зря ты настроен столь

категорично. По-моему, ты вообще перестал верить во что-либо, кроме того, что вынужден делать. Я обещаю: завтра пойдет дождь! Ты мне веришь?

– Тебе верю, а вот дождю не очень.

– Ничего. Завтра поймешь, что я был прав. Кстати, ты придешь в среду?

– В эту среду?

– Именно так. Потому что я не знаю, когда мы сможем встретиться в следующий раз, да и встретимся ли вообще.

– Ты же сам говоришь, что для этого нужно просто верить.

– Наконец-то ты понял.

Я прекрасно знал, что он сейчас улыбается, так как смог донести до меня то, что для него было так же просто, как факт прихода весны после долгой зимы. Я услышал шорох и обернулся: старик встал с кровати и подошел к столу. Что он пытается найти в такой темноте? Хотя он, конечно, знает каждый сантиметр своей квартиры, и ему не нужен свет лампы, чтобы найти необходимое.

Я вновь посмотрел на небо. Одна из звезд оторвалась от небосклона и стремительно падала вниз, чтобы через несколько мгновений потухнуть и исчезнуть навсегда. Загадывать мне было нечего, поэтому я просто проводил ее взглядом. Старик подошел ко мне и положил руку на плечо.

– Тебе пора идти. Я буду ждать тебя в среду. – Зная, что конец близок, он не хотел, чтобы я был здесь в этот момент.

– Я обязательно приду, не волнуйся.

Перед уходом я успел увидеть, как он засунул в карман своего халата запечатанный конверт и снова лег в кровать.

– До встречи, мой друг.

– Прощай, Жан-Луи.

Переплетение судеб

Как только автомобиль остановился у черного входа, из дверей больницы выскочили двое санитаров. Одетые с ног до головы в белую форму, они были почти неотличимы друг от друга. Четко зная свое дело, мужчины подбежали к машине, достали носилки с телом Жан-Луи и вновь скрылись в здании. Я попрощался с бригадой скорой помощи и покинул теплый салон. Стоило двери хлопнуться, как двигатель тут же взревел и умчал машину по следующему вызову. Воспользовавшись моментом, я решил немного подышать свежим воздухом. Вот и рассвет. Яркое солнце только-только начинало подниматься из-за горизонта, заливая огненными красками небо. Я достал из кармана пачку сигарет и закурил. Немного переведу дыхание и примусь за дело. Осень сегодня ощущалась как-то по-особенному. Ветер пробирал насквозь, а вся территория больницы была усыпана золотыми и бордовыми листьями, пропитавшимися ночной влагой. Деревья скинули с себя летние одеяния, и только у некоторых из них на самой макушке болталось несколько листков, все еще сопротивлявшихся безудержному ходу времени.

Почему так рано и быстро лето решило умереть, уступив дорогу осени? Это очень обидно, но тут уж ничего не поделаешь. Затягиваясь в очередной раз, я прислушался к размеренному треску прогорающей в руке сигареты, поднял голо-

ву и тонкой струйкой выпустил дым из легких. Снова вскрытие. Пусть я и узнал о Жан-Луи только сегодня утром и большую часть – из дневника, но в этот раз определенно будет намного труднее, поскольку Жан-Луи больше не был для меня рядовым пациентом, чье имя я мог прочитать в карте.

Сейчас, держа в руках скальпель и стоя возле остывающего тела, я буду представлять, каким он был раньше. Представлю, как он читал стихотворение Майклу и Антонио, как сожалел о том, что навсегда предстоит расстаться со своей дочерью. Разрезая плоть, я буду видеть его глаза. Именно те глаза, что взглянули на меня за секунду до смерти.

Выкинув бычок в стоящую рядом урну, я еще раз огляделся вокруг, глубоко втянул носом осенний воздух и зашел в больницу. Миновав узкий коридор, я очутился в главном холле, где, как всегда, за стойкой сидела дежурная медсестра. Сегодня это была дама пятидесяти лет по имени Фрок Кёллер. Вероятно, я покажусь грубым, но не могу не отметить, что она была настолько большой, что каждый раз, когда ее видел, я удивлялся, почему стул до сих пор не развалился на части. Давно я не встречал людей, которым так не подходило их имя. Дело в том, что «фрок» означает «маленькая леди», и это звучит как насмешка над медсестрой. И конечно же, многие в больнице называли ее просто Лягушкой, считая, что именно так переводится ее имя с английского языка, хотя она была чистокровной немкой.

– Доброе утро, фрау Кёллер, – поприветствовал ее я. – Не

правда ли, сегодня чудесное утро?

Она оторвалась от газеты и посмотрела на меня с нескрываемым презрением. Ее очки расположились на самом кончике носа, а губы были накрашены слишком яркой красной помадой.

– Неправда, – ответила она и снова вернулась к изучению статьи на второй полосе.

– Почему? – не унимался я. – У вас все в порядке? Может быть, вам нужна моя помощь?

С невозмутимым видом она положила газету на стол, сняла очки с орлиного носа и встала со стула. Наши лица оказались совсем рядом, отчего у меня промелькнула мысль, что не стоило вообще с ней разговаривать.

– Доктор Брис, давайте вы отстанете от меня со своими идиотскими вопросами и спокойно пойдете туда, куда шли? Если же вам тоскливо и не с кем поговорить, то в морге полно трупов, которым не хватает приятных собеседников.

– Хорошего дня, будьте аккуратны со стулом, – сказал я, улыбнувшись настолько искренне, насколько мог себе позволить.

Она не сдвинулась с места и провожала меня взглядом до тех пор, пока я не завернул за угол. Все-таки она действительно скорее напоминает лягушку, чем маленькую леди. Когда я понял, что нахожусь вне досягаемости ее сурового взгляда, то почувствовал облегчение – жаль, ненадолго.

– Доктор Брис! – раздался из-за спины громкий голос

главврача Энрике Морано.

Что мне сегодня так везет на такие встречи? Он наверняка уже был в курсе того, что я вызвал машину за телом, так как в маленькой больнице новости разносятся быстрее, чем в женском общежитии. Однако я почти уверен, что даже при таких обстоятельствах его нисколько не удовлетворяет факт моего опоздания.

– Я слышал о том, что чуть более часа назад вы вызвали машину. Только ответьте мне на один вопрос: почему вы сами не поехали в больницу, а решили ее дожидаться? Я ведь просил вас приехать к пяти часам.

– Дело в том, что умер мой сосед – Жан-Луи. Поэтому его племянница...

– Жан-Луи? – удивился Морано. – Это огромная потеря для всех нас.

– Вы были с ним знакомы?

– Да, в какой-то мере мы действительно были знакомы. Его знает практически весь город. Ладно. – Морано несколько раз постучал по полу лакированными ботинками. – Проведите вскрытие, отдохните пару часов, а затем заступайте на дежурство.

Он похлопал меня по плечу и пошел дальше по коридору. Удивительный человек. То он кажется сволочью, то совсем наоборот. Именно благодаря его приглашению я приехал работать сюда. Помню, как обнаружил на пороге родительского дома запечатанный конверт, на котором в строке отпрати-

теля был указан только адрес больницы. Не имея ни малейшего представления о содержимом, я сразу же вскрыл конверт и извлек из него аккуратно сложенный пополам плотный лист бумаги. Ознакомившись с текстом, я был сильно удивлен, так как никогда прежде не слышал ни о Морано, ни о ком-либо из других сотрудников больницы. Поначалу я даже не воспринял приглашение всерьез, но затем, все хорошенько обдумав, решил рискнуть, ведь зарплату предлагали на порядок выше, чем я получал в родном городе. Когда я впервые оказался в кабинете Морано, то увидел его сидящим в большом кожаном кресле за дубовым лакированным столом. Его халат висел на вешалке, а сам он был одет в строгий темно-синий костюм в полоску. Мое появление заставило Морано отвлечься от бумаг: «Вы по какому вопросу, молодой человек?» Когда я представился и сказал, что приехал на собеседование, Морано смерил меня взглядом, подозрительно хмыкнул и откинулся на спинку кресла. На протяжении всего нашего разговора он ритмично стучал пальцами по столу, чем меня, конечно, нервировал, но я старался не подавать виду. До последнего момента у меня не было никаких предположений относительно того, какое решение примет Морано. И если бы он, поблагодарив меня за приезд, сказал, что больница не нуждается в новых врачах, я бы ни капельки не удивился. Но вместо этого он улыбнулся и коротко сказал: «Вы приняты».

Поддавшись воспоминаниям, я не заметил, как добрался

до раздевалки для врачей. Здесь, как обычно, никого не было. Из двух лампочек горела только одна, и поэтому в помещении царил полумрак. Не позволяя себе ни на что отвлекаться, я быстро переоделся и пошел в морг. Светлый первый этаж больницы от мрачного морга отделяли только два лестничных пролета. С каждой ступенькой становилось все холоднее и все сильнее чувствовалась безысходность, скрываемая за толстыми кирпичными стенами. Я ощутил, как на лбу у меня выступил холодный пот, а по телу пробежала легкая дрожь. Раньше со мной никогда такого не было.

Добравшись до цели, я открыл дверь, и в лицо ударила волна холода с запахом формалина. Рука начала искать выключатель, но это было лишним, поскольку санитары оставили свет включенным. Это не сразу дошло до меня, поскольку мне определенно становилось хуже. Мир казался нереальным, а я был единственным зрителем в огромном пустом зале. И вот я стою на пороге морга. Представшая передо мной картина поразила меня до глубины души. Я увидел ровно то, что видел вчера. В помещении лежало три тела – старика Жан-Луи, Чарльза Берингема, которого здесь не должно было быть, и молодой девушки.

– Что за чертовщина? Как это возможно? – спросил я неизвестно у кого и зажмурился.

Мне нужно было успокоиться и унять дрожь: «Все хорошо, все в порядке. Мне только показалось».

Я открыл глаза и увидел, что возле тела Чарльза стоит

врач, который вскрывает его грудную клетку. Я застыл на месте, не имея возможности пошевелиться. Дыхание участилось, а сердце колотилось так сильно, что казалось, будто оно сейчас вырвется из груди и упадет на холодный кафельный пол, чтобы сделать еще несколько ударов и превратиться в прах. Не знаю, как долго я простоял неподвижно, но в какой-то момент врач обернулся, и я увидел самого себя. Да! Я увидел себя, проводящего вскрытие Чарльза Берингема день назад.

Вчера все было точно так же, и тело Жан-Луи находилось в морге, но я не знал, кто он, поэтому не обратил на него ни малейшего внимания. Если бы я только знал, если бы я мог вернуться назад. Вчера я видел часть будущего, а сейчас передо мной возникло прошлое. Но девушка... Кто она? Ее лицо было скрыто волосами.

Я стоял и смотрел в глаза самому себе. Все замерло. На долю секунды мне показалось, что времени больше нет – оно просто исчезло.

Чарльз Берингем, преодолевая трупное окоченение, повернул ко мне голову и произнес: «Что с тобой, Саймон? Ты побледнел».

Что со мной? Я закрыл руками уши и съехал по стене на пол. Гул нарастал. С большим трудом мне удалось слегка приподнять голову, чтобы посмотреть на происходящее. В глазах поплыло, и все, что я смог увидеть, – это улыбающееся лицо мертвого Чарльза, который и не думал отворачи-

ваться. Я отключился.

Даже находясь без сознания, я ощущал дрожь в теле и знал, что Чарльз продолжает смотреть на меня. Это невозможно, но я действительно все это чувствовал.

– Саймон, Саймон, очнись, – раздался голос где-то рядом со мной.

Я открыл глаза. Передо мной на корточках, держа в руках нашатырный спирт, сидел Владимир Волков.

– Саймон, ты меня слышишь?

– Да, – с большим трудом удалось мне произнести. – Помоги мне сесть.

– Давай, я лучше помогу тебе добраться наверх, а там уже ляжешь на диван.

Легким движением он поднял меня с пола и потащил к выходу. Я пытался помочь ему, но ноги не слушались. С большим трудом мы все-таки преодолели лестницу и медленно пошли по коридору.

– Доброе утро, доктор Брис! Не правда ли, сегодня чудесное утро? – услышал я голос и смех Фрок Кёллер.

– Заткнись, жаба, – грозно ответил ей Волков.

– Что? Да как вы смеете?

– Я не буду повторять три раза, чтобы ты поняла. Поэтому лучше услышь меня сейчас. Заткни свою пасть и читай газету!

Не знаю, что было потом, но мне показалось, будто бы она вскочила со своего места и куда-то побежала. Возможно, к

Морано, чтобы пожаловаться на поведение Волкова. Я даже не мог поднять голову, чтобы посмотреть, где мы. Волков дотащил меня до какого-то дивана, и я упал как мешок с мукой.

– Что с тобой случилось-то, Саймон? Крови испугался? – спросил Волков, подкладывая мне под голову подушку.

– Я... нет. Я... я видел Чарли, – речь путалась, хотя в голове звучала более убедительно.

– Спасибо, все понятно. Очень доходчиво объяснил. Сейчас тебе надо поспать, а я все сделаю. Я слышал о Жан-Луи, так что не волнуйся. Вскрытие проведу в лучшем виде.

Он осмотрел меня и сделал какой-то укол. Я все еще не мог прийти в себя и собраться с мыслями. Чувство полного истощения не отступало, а, наоборот, поглощало все больше и больше. Но даже при этом раскладе спать не хотелось. Я чувствовал себя будто одноклеточное, барахтающееся в жидкости. Еще несколько минут Владимир побыл со мной, а затем громко позвал медсестру, но та не отозвалась.

– Вот скотина твердокостная, – вздохнув, произнес он и ушел.

Постепенно я погрузился в легкую дремоту, напоминавшую ощущение, когда находишься под водой с закрытыми глазами. Контролировать себя не получалось, меня окружали непонятные звуки, а в кабинете было настолько душно, что казалось: еще секунда, и я сварюсь. Когда я в детстве не мог уснуть, мама сидела рядом до самого утра и рассказыва-

ла невероятные истории о путешествиях по сказочным землям. У меня была одна любимая сказка о том, как мальчик вместе со своей сестрой отправился в таинственный мир под кроватью, чтобы побороть свои страхи. Эта сказка придавала мне сил, и я до сих пор частенько вспоминаю ее. Автора книги звали... Жан-Луи.

Я вскочил с дивана как ни в чем не бывало. Тело было полностью подвластно разуму, гул и слабость прошли. Неужели автор моей любимой детской книги жил совсем рядом, а я не знал этого? Неужели именно он умер сегодня ночью и я не смог его спасти?

Я выскочил из кабинета и быстрым шагом направился к моргу. Фрок Кёллер на посту не было – видимо, она так сюда и не вернулась. На больших круглых часах, висевших над местом дежурной медсестры, было восемь тридцать пять утра.

На момент моего появления Волков уже закончил вскрытие и мыл руки. В морге было только одно тело – Жан-Луи. Увидев меня, Владимир улыбнулся.

– Привет, соня. Как себя чувствуешь?

– Намного лучше, спасибо. А здесь больше никого не было? – осторожно спросил я.

– В каком смысле? Кого ты еще ожидал увидеть? – Он удивленно обвел взглядом пустое помещение.

– Я имею в виду тело. Кроме Жан-Луи больше никого?

– К счастью, никого. А почему ты спрашиваешь?

– Если я тебе скажу, ты считаешь, что я псих.

– Прекрати. Врачам можно доверять.

– Когда я сегодня зашел в морг, то увидел три тела: Жан-Луи, Чарльза Берингема, вскрытие которого я проводил вчера, и молодой девушки. Потом мне показалось, будто бы я вижу самого себя и что Чарльз говорит со мной.

Вытирая руки, Волков очень внимательно слушал мой бред. Не говоря ни слова, он отбросил полотенце, подошел ко мне и взял за запястье, чтобы измерить пульс.

– Ты сегодня таблетки какие-нибудь принимал?

– Да, обезболивающие. Очень сильно болела голова.

– Наверняка принял не одну таблетку, а потом еще и выпил. Просто от тебя несет, как от бутылки виски.

Он был прав. Странно, что Морано и Кёллер ничего не почувствовали. Хотя, как я слышал, у Морано были большие проблемы с обонянием.

– До этого я спал несколько часов, а вечером напился так, что ничего не помню.

– И после этого ты удивляешься, почему тебе стало так плохо?

– Но это было настолько реально!

– Не сомневаюсь. Давай тут все закончим и пойдем выпьем чаю или кофе, – сказал Волков и подошел к маленькому письменному столу.

– Так что показало вскрытие?

Он оглянулся и покачал головой.

– Здесь и без вскрытия все было понятно. Он был стар,

Саймон. Его время пришло.

Пока Волков заполнял заключение о смерти, я подошел к телу Жан-Луи и приподнял простыню, которой он был накрыт. Его лицо казалось более молодым, чем несколько часов назад. Часть морщин разгладилась, а губы расплылись в довольной улыбке. В такие мгновения может показаться, что смерть не так уж и страшна, но, к сожалению, нельзя говорить об этом наверняка.

– Знаешь, я понял, что вырос на его книгах, – обратился я к Волкову. – Пока пытался уснуть, вспомнил одну из сказок, которые читала мне мама. Ее автором был Жан-Луи. Почему я раньше этого не знал? Почему я не понял этого, когда Антонио рассказывал мне о старике?

– Такое бывает достаточно часто: вроде бы все очевидно, но ты не замечаешь или не хочешь замечать. – Волков отложил в сторону бумаги. – Я закончил. Пойдем наверх, у меня есть отличный чай.

– Действительно отличный?

– Понятия не имею, но так говорят.

– А как тебе кажется?

– Я не пью чай, – со смехом сказал Владимир. – Предпочитаю что-нибудь покрепче.

Когда мы оказались на первом этаже больницы, мимо тяжелой походкой проследовала Фрок. Она даже не обратила на нас внимания. Жаль, но порой в жизни встречаются такие люди, как она, и особенно это неприятно, если работают они

в больницах. Нельзя сказать, что конкретно делает их столь злобными и черствыми. Вполне вероятно, что это вовсе не их вина. У меня была одна подруга детства – прекрасная, добрая девочка. В школе над ней многие издевались из-за ее бедной семьи. Я защищал ее как мог, но это не помогло. Сейчас она работает в полиции в нашем родном городе, и все его жители уверены, что более злобную тварь трудно найти. Только дело в том, что они сами виноваты в том, кем она стала. Вся ответственность лежит на тех, кого в обществе принято считать хорошими людьми. Может быть, у фрау Кёллер точно такая же история.

– Владимир, задержитесь на секунду! – раздался голос Морано.

– Нажаловалась, мегера, – констатировал Волков, глядя на Фрок.

– Не нажаловалась, а поступила согласно правилам! – негодовала немка.

Неспешным шагом Энрике Морано подошел к нам, поправил очки на носу и, постукивая пальцами по какой-то папке, обратился к Волкову:

– Почему вы позволяете себе грубить фрау Кёллер?

– Грубить? Да что вы! Я ей нисколько не грубил, а просто, назвав вещи своими именами, предложил заткнуться.

– А по какой причине?

– По причине того...

– Мне стало плохо в морге, – встрял я в разговор, – и Вла-

димир дотащил меня до дивана, а фрау Кёллер начала издеваться.

Морано повернулся к Фрок и покачал головой. Она на секунду растерялась, но потом, взяв себя в руки, стукнула по столу:

– Я не издевалась, а задала такой же идиотский вопрос, который он задал мне с утра!

– И что же за вопрос? – спокойным, размеренным тоном спросил главврач.

– Это не имеет значения! Их обоих надо наказать! – не унималась медсестра. – От него же еще и спиртным несет!

– Какой вопрос, доктор Брис? – понимая, что ответа от нее не дожидаться, спросил Морано у меня.

– Не правда ли, сегодня чудесное утро?

– И правда идиотский. Вам лучше, Саймон? – К счастью, Морано проигнорировал слова Фрок про алкоголь.

– Да, намного.

– Лучше отпустите его домой, – твердо произнес Волков. – Ему сегодня не стоит работать, он и так много пережил, а я отдежурю за него.

– Это уже сами решайте, кто останется, – махнул рукой Морано и снова повернулся к Фрок Кёллер: – А вас, фрау, я ожидаю у себя в кабинете через двадцать минут. И только попробуйте начать нести ту же ересь, что и сейчас.

Энрике Морано снова поправил очки и пошел обратно к себе. Фрок негодовала, от злости она даже покраснела, а

ноздри у нее раздулись, как у быка перед атакой, но она молчала. Волков нарисовал в воздухе сердечко и послал ей воздушный поцелуй.

Кабинет Волкова по размерам был ничуть не больше моего, однако производил колоссальное впечатление. Два книжных шкафа, кушетка, дубовый стол и кожаное кресло. На столе стояла пепельница, доверху забитая окурками, и от этого в кабинете стоял стойкий запах крепкого табака. Я сел на кушетку, а Волков пошел в столовую, чтобы попросить кипятку.

Этот русский казался странным. Мне говорили, что после смерти друга (как я теперь знаю, речь шла о Майкле) он сильно изменился: стал более скрытным, серьезным и в чем-то даже жестоким. Черные короткие волосы, большие зеленые глаза и густая щетина придавали ему особо суровый вид. Однако стоило мне поговорить с ним несколько минут, как стало понятно, что на самом деле он хороший человек, который готов помочь в трудной ситуации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.